

Администрация сельского поселения Павло-Слободское

ДЕТИ ВОЙНЫ

Сборник рассказов

Администрация сельского поселения Павло-Слободское

ДЕТИ ВОЙНЫ

Сборник рассказов

*Павловская Слобода
2013 год*

**Издание подготовлено и выпущено при поддержке
Главы и депутатов сельского поселения Павло-Слободское**

Авторский коллектив:

*Ольга Маркусь, Александр Гольцев, Сергей Мамаев,
под общим руководством Елены Александровны Комоловой*

Составитель и редактор: Сергей Мамаев

Современные фото: Александр Гольцев

Рисунки: Надежда Щеглова

Дети войны. Сборник рассказов. Под ред. С. Мамаева –
Павловская Слобода, 2013. – 92 с.

В сборнике собраны воспоминания особенного поколения людей, у которых война украла детство. В военные и послевоенные годы детям очень быстро пришлось стать взрослыми: их воспитали голод и непосильный труд. Посвящается современным детям, которые даже не представляют, что пережили они, дети войны.

© Администрация сельского поселения Павло-Слободское
© Сергей Юрьевич Мамаев (текст, оформление), 2013

Дизайн и верстка: Сергей Мамаев

Тираж: 300 экз.

Отпечатано в типографии АОЗТ Фирма «Русские»

Московская область, г. Истра, ул. Адасько, д. 2.

Телефон: (49631) 5-00-76

Ваши отзывы отправляйте по адресу: 143581, Московская область,
Истринский район, с. Павловская Слобода, ул. Октябрьская, д. 5.
Телефон: (498) 319-94-09. E-mail: mp-sloboda@mail.ru

* * *

А мы не стали памяти перечить
И, вспомнив дни далекие, когда
Упала нам на слабенькие плечи
Огромная, не детская беда.

Была зима и жесткой и метельной,
Была судьба у всех людей одна.
У нас и детства не было отдельно,
А были вместе – детство и война.

И нас большая Родина хранила,
И нам Отчизна матерью была.
Она детей от смерти заслонила,
Своих детей для жизни сберегла.

Года пройдут, но эти дни и ночи
Придут не раз во сне тебе и мне.
И, пусть мы были маленькими очень,
Мы тоже победили в той войне.

Роберт Рождественский

*Чтобы идти вперед, чаще оглядывайтесь назад,
ибо иначе вы забудете,
откуда вы вышли и куда нужно вам идти.*

Леонид Николаевич Андреев

Имеет ли прошлое запах?

Перебирая рукописные тексты и распечатанные листки, вчитываюсь в каждое слово, всматриваюсь в каждую букву. За строками бегут события, между строк вижу лица, пробелы заполнены людскими эмоциями и чувствами. Почему люди пишут свои воспоминания? Большинство из них связано с потерями, утратами, голодом, холодом и тяжким трудом. Зачем мы их спрашиваем об этом? Ведь каждое воспоминание переживается вновь.

Беречь прошлое побуждает нас наше будущее. Не зная прошлого, невозможно понять подлинный смысл настоящего и целей будущего. Стремление понять себя и осознать свое место в мире заложено в каждом человеке. И наша задача – побудить его к этому. Каждый человек, особенно проживший долгую жизнь, несет в себе ценность опыта и мудрости. Постепенно люди уходят. Имеем ли мы право терять связь поколений... если в наших силах сегодня запечатлеть бесценные свидетельства времени?

Мы изучаем историю нашей страны. Но есть и малая история каждой семьи. Если мы не расскажем своим детям, они не будут знать, что ели наши дедушки и бабушки, на чем они спали, в какие игры играли. Они не поймут, что значит для них слово «Победа». И не засомневаются, так ли уж нужна жвачка и кока-кола. Только мы можем показать, чем отличается настоящая игра в войнушку от виртуальной, компьютерной. И дать почувствовать дым и запах костра. Именно поэтому мы в первую очередь обратились к школьникам с предложением записать воспоминания своих близких.

Сложная и ответственная задача – отбирать рассказы согласно критериям. Для людей не существует деления на этапы, жизнь – сплошная дорога. Мы попытались в этом проекте «Дети войны» отобразить облик поколения, на долю которого выпал тяжелейший этап истории страны. Герои наших рассказов – дети, рано повзрослевшие, рано узнавшие настоящее, не детское горе и боль, рано научившиеся терпению и выдержке. Им, детям войны, через испытания довелось осознать истинные ценности жизни, на первом месте среди которых – сама жизнь, своя и своих близких, здоровье, дом и безопасность. Фраза «Только бы не было войны!», которая всегда произносилась со слезами на глазах, стала для них первым желанием.

Точка зрения писателя оказывает сильнейшее воздействие на результат его исследования. Мы имели намерение не доносить до читателя собственное мнение, а показать историю того времени глазами действующих лиц. Поэтому в сборник «Дети войны» включены воспоминания, рассказанные очевидцами тех событий. Уже шла подготовка сборника к печати, а звонки продолжались, все больше людей вовлекалось в процесс. Непрерывный поток поступающих материалов определил дальнейшую судьбу проекта «Дети войны»: данное издание – первая часть многотомной летописи семейных историй сельского поселения Павло-Слободское.

Сегодня Администрация обращается к жителям: пишите, дети войны, пишите, дети и внуки детей войны о еще нерасказанных событиях той поры. Среди нас сотни свидетелей, способных нам, потомкам, оставить след. Если мы захотим.

*Ольга Николаевна Маркусь,
начальник сектора
по социальным вопросам,
культуре и спорту
Администрации сельского поселения
Павло-Слободское*

«Слободчане были настроены решительно»

Борис Дмитриевич Лукьянов

Мои родители, Дмитрий Гаврилович Лукьянов и Мария Васильевна (в девичестве Короткова), родившиеся и жившие в Павловской Слободе, много рассказывали нам, детям, о войне. Особенно запомнились рассказы о начале войны: о налетах фашистских самолетов и артиллерийских обстрелах Павловской Слободы, об эвакуации военной базы №38 из села в город Вахруши Кировской области, в которой активное участие принимали местные жители, проявившие энтузиазм и бесстрашие. Слободчане были настроены решительно: не оставить врагу ни техники, ни себя, ни своих близких. За короткое время все оборудование было вывезено, и на новом месте рабочие продолжили ремонтировать военную технику.

Люди, эвакуированные вместе с базой на новое место, жили где и как приходилось: в гаражах, нежилых помещениях, многие – в домах. Мои родители разместились в сарае. Мой старший брат Владимир, в то время 5-летний мальчик, вспоминал, как дети бегали на местную ферму, чтобы найти там что-нибудь съедобное.

Через год военная база вернулась назад в Павловскую Слободу, а с ней и люди, до конца войны работая по 14-16 часов в сутки, продолжили ремонт стрелкового и артиллерийского вооружения. Дмитрий Гаврилович и Мария Васильевна проработали на военной базе до пенсии, а за добросовестный труд в годы войны были награждены медалями «За Победу над фашистской Германией».

*Борис Дмитриевич Лукьянов,
Глава сельского поселения Павло-Слободское*

*Борис Лукъянов (справа)
с родителями и братьями
Владимиром и Александром
1955 год*

«Я старался, тянулся за старшими»

День начала войны запомнился мне на всю жизнь. Утро было ярким солнечным и на редкость теплым. Мы с братьями отца собрались на Окуловскую кошку – необитаемый, густо поросший ивой остров на Северной Двине с великолепным песчаным пляжем. И, уже выходя из дома, услышали по радио экстренное сообщение о том, что в 12:00 состоится выступление Молотова. Все поняли: это война! Но ни шока, ни паники не было: эту беду, вопреки всем разговорам о мирном договоре, все ждали, не признаваясь в том даже самому себе.

*Василий Окулов с родителями.
Архангельск. 1927 год*

С этого дня началась новая, военная жизнь, полная тревог и горя. Репродукторы не выключались круглые сутки. В городе было объявлено военное положение: комендантский час, светомаскировка. Тут же началась мобилизация. Школы, где еще вчера выпускникам вручались дипломы о среднем образовании и всю ночь звучали песни и музыка, превратились в призывные пункты. Отцы и старшие братья уходили на войну, а нам, молодым, пришло время взросления.

К сентябрю 1941 года в стране стал остро ощущаться недостаток продовольствия: самые «хлебные» районы страны были в руках противника. Решением правительства было введено строгое нормирование потребления продуктов питания. Вводились карточки на хлеб, мясо, жиры, сахар, мыло и другие то-

вары повседневного спроса. Через какое-то время в Архангельске, как и во всей стране, даже по карточкам не стало продуктов. Голод толкал людей на преступления. Широкое распространение получило воровство овощей из погребов, с частных и колхозных полей. У колхозов не было сил для охраны полей. Сторожами ставили подростков 12-14 лет. Бригадир давал «сторожу» охотничье ружье с патронами и говорил: «Полезут – стреляй! Не бойся, ты охраняешь государственное добро!» И на моей памяти 14-летний мальчик – мой сосед – темной ночью с испуга убил отца трех малолетних детей. В руках у того был кочан капусты. Парнишка получил два с половиной года колонии.

Мужчин в тылу оставалось все меньше. В сентябре в школе нас встретили только преподаватели-женщины. После уроков мы шли домой обедать и, взяв нужный инвентарь, возвращались. Нашими руками во дворе школы для укрытия учащихся и преподавателей в случае бомбежки, были вырыты «щели» – глубокие узкие зигзагообразные окопы, обшитые изнутри досками, чтобы не осыпался грунт.

Весной школьники готовили в колхозе парники для посадки рассады. К этому надо добавить сбор металлолома, теплых вещей для солдат, шефские концерты в клубах и госпиталях. В обязанности школьников входило и отопление школьного здания. Каждая прожорливая «голландка» (печь), а их было не менее 50, требовали 2-3 охапки дров. Старшеклассники вместе с учителями были членами Дружины противовоздушной и химической обороны, и по вечерам обучались правилам тушения зажигательных бомб, оказанию первой медицинской помощи при ранениях, ожогах и отравлении газами. При объявлении воздушной тревоги занимали свои посты согласно расписанию.

Учиться в те далекие годы было трудно. Один учебник приходился на 5-6 человек. Не было тетрадей и бумаги для рисования и черчения. Писали на обоях, на оберточной бумаге и даже на газетах. Перья, карандаши, линейки – все было боль-

*Василий Николаевич
Окулов*

шой редкостью. Но самым страшным было отсутствие в школах должного числа преподавателей. В девятом и десятом классах у нас не было преподавателя иностранного языка, а преподаватель русского языка и литературы появился лишь в третьей четверти последнего года обучения. К экзаменам по этим предметам готовились самостоятельно, кто как мог.

Обязанности преподавателей той поры не ограничивались преподаванием и воспитанием. Когда надо было, а это случалось часто, учителя вместе со старшеклассниками шли вместо уроков убирать урожай, расчищать дороги от снега, разгружать вагоны. И все это на фоне тяжелейших материальных условий, психологических перегрузок и голода. Преподаватели, что учили нас, были подвижниками. Спасибо им!

Из военных лет мне больше других запомнился 1942 год. И, прежде всего, нашей первой крупной победой – битвой за Москву. Дорого обошлась она нам (по последним данным – три миллиона погибших), но она повернула ход событий в нашу пользу, подняла дух народа, веру в окончательную, пусть и не скорую, победу. Запомнился он еще и потому, что сам я повзрослел. В марте исполнилось 16 лет, в апреле был принят в комсомол и вскоре – избран членом райкома комсомола. Чуть раньше, по решению райкома, был направлен на курсы инструкторов противовоздушной и противохимической обороны. Мы (молодые учительницы, мужчины всех возрастов, имевшие отсрочку от призыва в армию, группа старшеклассников) изучали типы немецких самолетов, боевые отравляющие вещества и меры защиты от них, стрелковое оружие. Мужчины, годные к службе в армии, занимались, кроме того, строевой и огневой подготовкой, штыковым боем, самоокапы-

ванием. Занятия проводили офицеры военкомата, прошедшие Финскую войну.

Я старался, тянулся за старшими. По окончании курсов был назначен командиром отделения в системе всеобщего военного обучения. В программе всеобщего военного обучения была начальная военная подготовка, подготовка снайперов, радистов, телефонистов, лыжников. Кроме занятий, наряду со штатным составом, я дежурил по военкомату, принимал посетителей, работал в призывной комиссии, заведовал складом оружия и боеприпасов. Часто вспоминаю то время: рядом были прекрасные люди, имевшие большой жизненный опыт, у которых я многому научился. Моя работа по подготовке пополнения для армии продолжалась до мая 1945 года. В феврале 1946 года, когда я приехал на каникулы, военный комиссар вручил мне медаль «За победу над фашистской Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов». Той победной весной 9 мая 1945 года была подведена черта под школьной жизнью. Впереди была жизнь новая, студенческая, интересная, веселая и непростая.

*Василий Николаевич Окулов,
житель села Рождествено, полковник в отставке*

«Вернуться домой уже не смогли»

Моя бабушка, Клавдия Константиновна Нечушкина, была еще ребенком, когда началась Великая Отечественная война. Но бабушка очень отчетливо помнит те страшные военные годы: «Год 1941-й был самым голодным. Жили мы тогда в деревне Обушково, а за хлебом приходилось ходить за десять километров в Дмитровское (ныне Красногорский район). Ходили обычно дети, взрослые работали. И вот однажды утром мы с сестрой ушли за хлебом, а вернуться домой уже не смогли – деревню заняли немцы. Первую ночь провели в стоге сена (а это было в декабре), потом нас приютили совсем чужие люди, которые заменили нам родных на целую неделю. Мы им очень благодарны».

Когда немцев из Обушкова выбили, бабушка с сестрой вернулись домой. А война продолжалась. Детям наравне со взрослыми приходилось работать в колхозе. За домом семья бабушки вырыла окоп, в котором они прятались во время немецких бомбежек. Немного бабушка рассказала о тех днях, с болью в сердце она это вспоминала. Мы должны навсегда извлечь урок из тех лет, чтобы война никогда больше не вошла в нашу жизнь.

*Екатерина Нечушкина,
ученица 5 класса Павловской СОШ*

«Меня в двухмесячном возрасте отдали в ясли»

Я родилась в селе Павловская Слобода 6 октября 1944 года. Мои родители – Дмитрий Никифорович и Зинаида Тюшины – тоже родились в Павловской Слободе. Всю жизнь они проработали в расположенной в Павловской Слободе воинской части №67714, в военные годы вместе с ней находились в эвакуации и работали под девизом «Все для фронта!» Меня в двухмесячном возрасте отдали в ясли (ныне в этом здании располагается музыкальная школа). В трудные послевоенные годы я окончила Павловскую школу, а затем и техникум. Учась в школе, каждый год я отдыхала в пионерском лагере, который располагался в Павловской Слободе. В 1965 году вышла замуж за Валентина Борисовича Фомина, отец которого погиб на фронте в сентябре 1941 года. В семейном архиве сохранилась «похоронка» на политрука Бориса Ивановича Фомина.

*Любовь Дмитриевна Фомина,
жительница села Павловская Слобода*

*Любовь Дмитриевна Фомина в яслях.
Павловская Слобода. 1945 год*

«Лучше хлеба дай!»*

Моя прабабушка, Антонина Антоновна Занемонец, родившаяся в Сталинграде и работавшая там чертежницей на тракторном заводе, оказалась свидетельницей одного из самых крупных сражений, обозначивших «коренной перелом» в ходе

Антонина Антоновна Занемонец

Великой Отечественной войны. Владимир Алексеевич Занемонец, военный инженер, муж моей прабабушки, с началом войны был призван в действующую армию. Все время до Победы он провел на фронте, инспектируя артиллерийскую технику, дошел до Берлина, участвовал в освобождении Варшавы, войну окончил в чине полковника.

5 июля 1941 года, ровно за два года до начала Курской битвы, у прабабушки Тони родилась дочка Наташа – старшая сестра моей бабушки. Вскоре после того, как Наташе исполнился один год, началась Сталинградская битва. Город был разрушен до основания немецкой авиацией. На месте домов оставались лишь дымящиеся развалины. Среди руин велась снайперская перестрелка. В обороне города, посильный вклад в которую старался внести каждый, Антонина Антоновна никак не могла участвовать – на руках у нее был младенец, и его нужно было хоть как-то прокормить.

Жизнь маленькой Наташи несколько раз висела на волоске. Однажды, когда было непонятно, умрет она или «выберется»,

---

* По материалам журнала «Лексикон». – 2013, №6. С. 37.

ее крестила в бомбоубежище одна верующая старушка. Такое тайное крещение детей военного времени нередко совершалось в эти годы.

Люди пытались спастись из погибавшего города. На другом, восточном берегу Волги было сравнительно безопасно. Пароход «Иосиф Сталин» с риском эвакуировал жителей Сталинграда. Прабабушка с дочкой опоздала на рейс. С отчаянием смотрела Антонина Антоновна с пристани вслед уходящему пароходу. Вдруг в судно попал немецкий снаряд, пароход пошел ко дну, все погибли. А ведь моя прабабушка могла оказаться там...

В конце 1942 года ей удалось эвакуироваться из города, но после этого она с дочерью оказалась на территории, оккупированной противником. Жили в разоренной деревне. Из-за антисанитарных условий маленькая Наташа много болела. Необходима была детская присыпка, но где ее взять? Один немецкий офицер, не спрашивая ни о чем, достал ее для Наташи. Победа застала Антонину Антоновну с дочкой в Москве. Когда папа Наташи вернулся из Берлина, он привез ей конфет. Подросшая девочка, не имея понятия о том, что такое конфеты, сказала: «Нет, лучше хлеба дай!»

*Ефросинья Елатомцева,
выпускница православной школы «Рождество»*

«Сажать весной оказалось нечего»

Когда в 1941 году объявили, что артиллерийскую базу №38 из Павловской Слободы эвакуируют в Кировскую область, мне было три года. Мама осталась в Павловской Слободе, а я с папой уехала. В товарном вагоне, где мы ехали, я упала с полки на горячую печку-буржуйку, но серьезных повреждений не получила. По приезду всех разместили по домам, мы попали в дом к хозяйке «пивнушки». Еды было мало, мне понемногу давали пива.

*Вера Васильевна
Паршина*

В Кировской области мы оставались около года, когда немцев прогнали, вернулись домой. Мама работала в колхозе, на трудодни выдавали немного зерна, сажали картошку. Солдаты, которые были на постое в нашем доме, съели корову, картошку, зерно и все припасы в погребе. Сажать весной оказалось нечего, но опять же через колхоз удалось найти зерно на посадку. Зерно мололи на мельнице, затем из муки пекли хлеб. Мельница располагалась там, где потом была керосиновая лавка, а сейчас – магазины автозапчастей на улице Луначарского.

В 1945 году я пошла в первый класс, через десять лет окончила школу и поступила в техническое училище. Выучившись на токаря, работала на базе. Затем обучилась профессии оптика-механика, много лет работала по ремонту дальномеров, прицелов, биноклей, приборов ночного видения. Общий трудовой стаж – 52 года.

*Вера Васильевна Паршина,
жительница села Павловская Слобода*

*Воспоминания записал
Александр Николаевич Гольцев*

«Убить человека для них не составляло труда»

Семья наша жила в деревне Малеево (ныне не существует) Лотошинского района Московской области. Родители трудились в колхозе: отец возил на лошадях древесину для колхозного строительства, а мать работала на конюшне, ухаживала за колхозным молодняком – необученными, необъезженными лошадьми. Мы вместе с братом Иваном, который был на четыре года старше, помогали матери. Нам доверяли выпускать лошадок по специально построенному заграждению к реке на водопой, а пока лошади пьют, мы чистили загоны. Тяжелым трудом от зари до зари давался достаток в доме: перед войной семья заработала на трудодни много зерна и муки, а урожай картофеля выдался просто небывалый. Жить бы да радоваться, но война все изменила. В 1941 году мне было восемь лет.

Фашисты в село пришли осенью 1941 года, когда еще пасли скот на лугах. Целое стадо коров и других домашних животных они угнали из Малеева в Лотошино, думая, что скот колхозный, а это был личный скот жителей. Все стали жаловаться, что остались без кормильцев. Невероятно, но скот немцы вернули, хотя потом все равно всех животных они же и съели.

Дом у нас был большой, хороший. Сначала к нам поселились молодые немецкие солдаты. Они вели себя тихо, прилично, говорили, что они студенты и на войну вовсе не хотели идти. Из дома родители присылали им посылки. Позже к нам поселили офицера, который занял больше половины дома. Офицер тоже вел себя пристойно, хотя симпатии не вызывал. Мы понимали: это захватчик, враг. У офицера был денщик, которому моя мама говорила про офицера: «Чтоб его застрелили!» Денщик, поигрывая на пальце пистолетом, пригрозил: «Матка, за такие слова тебя убьем!»

Убить человека для них не составляло труда. Мне стало понятно после одного случая. Зима 1941 года была очень снежной. Дети сидели по домам, меня мать гулять не пускала, а вот ребят 1926-1927 годов рождения немцы собирали по домам и

заставляли чистить снег лопатами на дорогах и около домов, где жили захватчики. Один паренек отказался идти, и фашисты его застрелили. Но однажды я все-таки оказалась на улице и увидела немца, который стрелял из пулемета. По небу летел наш самолет, и фашист целился прямо в него. Вдруг пулемет перестал стрелять, немец задергался, засуетился. Я засмеялась, а он как затопает на меня ногами. От испуга я убежала домой.

Некоторое время спустя в нашем большом доме немцы решили устроить свой штаб. Так мы узнали, что в декабре 1941 года фашистов стали теснить наши войска. Однажды на собрание в штаб пришло много солдат, вооружены они были топорами, ухватами, палками, оружия не было. Ноги их были обмотаны разрезанными на части одеялами – вид довольно жалкий.

Скоро нас с матерью, братом и бабушкой выгнали жить в другой дом. Захватчики не знали, что в другом доме жил мой дед, отец моего отца. Его на фронт не взяли, потому что у него не было одной руки. Погиб он как герой, оказав врагам сопротивление: не побоялся возразить и не отдал пилу, которую у него потребовали, и фашисты его застрелили.

Когда мы жили у деда, мама каждый день готовила в печке еду на всю семью: варила щи, картошку. Благодаря сделанным запасам, мы не голодали. Однажды пришли к нам советские разведчики. Помню, как мать усадила их за стол и кормила щами из одной большой общей миски. Мы уже чувствовали и верили, что освобождение близко. Накануне утром немецкий офицер пришел и сказал: «Шнель! Лотошино!» В начале января многих жителей деревни Малеево фашисты перегнали в деревню Карлово через речку. И вот с бугра, расположенного на возвышенности, нам было видно, как внизу по сугробам пробираются в маскхалатах наши бойцы. 16 января 1942 года село освободили.

Люди стали возвращаться в свои деревни. Нужно было налаживать жизнь, нужно было помогать фронту и много тру-

даться. Нужно было где-то брать силы, чтобы выжить. Чтобы не голодать, ходили по полям, собирали и ели мороженую картошку, переделывали ее в крахмал. Ели и останки животных, найденные за домом, где немецкие повара забивали и разделывали скот. Дети войны, мы быстро повзрослели. Мы видели и пережили то, что не должно больше никогда повториться.

*Анна Ивановна Кузнецова,
жительница села Рождествено*

*Воспоминания записали
Тимур и Алина Шакировы,
ученики Рождественской СОШ*

«Оказала помощь в задержании фашистской разведки»*

Нина Алексеевна Маслакова родилась в 1932 году в селе Павловская Слобода. По доносу в 1933 году ее отца и еще 14 человек, в основном организовавших работу в колхозе и отдавших туда собственную землю и скот, арестовали и судили. Чтобы спасти себя и детей, мать увезла Нину и ее брата Юрия в деревню Тимошкино (ныне Красногорского района) и устроилась работать учительницей. Все детство Нину называли дочерью врага народа, доходило до того, что многие родители запрещали своим детям дружить с ней. В школе, несмотря на прилежную учебу, у девочки возникали проблемы с учителями.

Война не обошла стороной Нину Алексеевну. В конце 1941 года под Москвой шли ожесточенные бои, немцы дошли до Чеснокова и Обушкова. В то время Нина с матерью и братом жила при школе в Тимошкине, буквально на линии фронта. Советские солдаты, находившиеся в деревне, ушли на передовую, остались только женщины и старики. Однажды рано утром мать Нины, собираясь сходить за водой, увидела у крыльца немцев в белых халатах. Те, представившись русской разведкой, попросили воды и, напившись, ушли. Мать решила отвести детей к бабушке в Петрово-Дальнее. Путь пролегал через лес мимо минных полей.

Вокруг не было ни души, как вдруг из оврага неожиданно выехала немецкий автомобиль, выскочили солдаты и, предлагая подвезти, буквально на руках затолкали их в машину. По дороге один из мужчин постоянно расспрашивал мать Нины обо всем, что видел за окном, остальные молчали. Наконец, пора было выходить, женщина попросила остановить машину, но солдаты ехали дальше. Тут уже и брат Нины Алексеевны, пятиклассник Юрий, все понял. Спаслись они чудом – неожиданно навстречу машине вышли советские солдаты, чтобы

---

* По материалам газеты «Истринские вести» – 2012, №10. С. 30.

*Нина Алексеевна
Маслакова*

проверить документы. Воспользовавшись моментом, мать выскочила из машины и рассказала военным, что это немцы. Вот так женщина вместе с детьми оказала помощь в задержании фашистской разведки.

Между тем война продолжалась. 1942 год был очень голодным. Доходило вплоть до того, что питались замерзшими трупами лошадей. Умиравшую от голода мать спасали односельчане, принося ей последние свои продукты. Нелегкая жизнь была в годы войны, женщины и дети весь день работали в колхозе, а ночи проводили в бомбоубежище. При этом ребята еще успевали учиться в школе. Спустя долгих четыре года, к всеобщей радости, война закончилась. В 1950 года Нина Алексеевна окончила школу, а в 1956 году вернулась в Павловскую Слободу.

*Александр Золотарев,
Выпускник Павловской СОШ*

«А моя бабушка молилась...»

Моя бабушка, папина мама, Нина Федоровна Сизова родилась в селе Рождествено в 1931 году. Когда началась Великая Отечественная война и немцы пришли в село, ей было всего лишь 10 лет. То есть немного старше меня, мне сейчас почти восемь. Перед тем как занять село, немцы его сильно бомбили. Все жители спрятались в землянках на своих огородах, а моя бабушка молилась: «Отче наш, иже еси на небесех...» И бомбы в дом не попали.

Несколько дней в нашем деревенском доме жили немцы, а бабушку Нину с прабабушкой Полей прогнали в землянку. Иногда приходили к ним и требовали еды. Затем русская армия пришла освобождать жителей от фашистов, немцы убежали и забыли у нас во дворе свою машину, у которой не работал двигатель. Потом моя бабушка выросла, вышла замуж за дедушку Васю, и у них родился мой папа Андрей Васильевич Семериков.

*Анна Семерикова,
ученица 2 класса православной школы «Рождество»*

*Нина Федоровна Сизова среди учеников 7 класса
Рождественской школы. 1945 год*

Игрушки

В селе Рождествено в морозном декабре,
Замерзшая от пяток до макушки,
На пепелище от родной избы
Сидела девочка, прижав к груди игрушки.

Текли неспешно слезы по щекам,
И пред глазами плыли те картины,
Что день назад являлись страшным сном,
Сегодня – превратили жизнь в руины.

Как плакала над похоронкой мать,
А бабушка молилась у иконы;
Как становился красным белый снег,
Когда пришли фашистские погоны;

Как на ее глазах убили мать,
И сняли валенки с хладеющего тела...
У девочки не оставалось слез –
В тот день она мгновенно повзрослела.

Уже стемнело, и пришла пора
Искать ночлег в соседней деревушке.
Она ушла... оставив детство здесь
И схоронив в снегу свои игрушки.

Сергей Мамаев

«Добежать мы не успели»

В конце ноября 1941 года Павловская Слобода представляла собой печальное зрелище – мертвые деревенские дома без поднимающегося дыма из труб, по окнам занесенные снегом, кое-где с выбитыми стеклами. Все рабочие военной базы с семьями и колхозники были эвакуированы в Кировскую область, остались лишь старики да некоторые семьи, которые не смогли покинуть село. Из тридцати домов на нашей улице в одном жили старики Голубенковы, в другом – мы с мамой. Мне тогда было всего шесть лет.

Днем мама была на ферме при коровах, так как скотина была брошена, за ней приходилось ухаживать с утра до ночи. Мы же, маленькие дети, дома сидеть боялись, так как немцы подступали уже к Волоколамску и регулярно бомбили окрестности. Во время бомбежек от страха выбегали мы с братом на улицу и прятались в сугробах, вокруг полыхали пожары. Дни стояли короткие, быстро темнело. В один из таких дней и случилось несчастье. Мы, как обычно, с братом бродили по улице, мама была на скотном дворе, вдруг налетели самолеты, началась бомбежка. Брат держал меня за руку, чтобы я не убежала. Поташил меня к соседнему дому, чтобы укрыться, но добежать мы не успели – осколок снаряда попал ему в ногу.

Очень скоро на обед пришла мама, брата отвезли в санитарный поезд, но спасти его не успели – он истек кровью. Морозным днем гроб с телом везли на санях, за ними вдалеке ползли по сугробам мы, а в небе летали фашистские самолеты и стреляли. Меня закрывала своим телом моя родственница. На следующий день нам приказали покинуть село, так как собирались взрывать мост через реку Истра и обустроить рубеж обороны. Мы уехали в село Степановское, взяв лошадь в колхозе. Вернулись домой только через месяц.

Очень врезалось в память большое количество наших солдат из «сибирской дивизии», как тогда говорили. Действительно, для меня, ребенка, они казались сказочными богаты-

рями – все высокого роста, в белых полушубках, веселые, добродушные мужчины. Они расселились по всем закрытым домам. Глазами ребенка я видела необычную жизнь – боевую технику и много веселых солдат. Они отдыхали несколько дней, а потом все опустело – их бросили в бой под Волоколамском, а к нам возвращались только раненые. Но уже самые страшные дни войны для нас прошли: закончились бомбежки и стрельба, началась упорная тяжелая борьба за победу. Хотя я была еще маленькой девочкой, все отчетливо запомнила. Мы, дети войны, испытав и познав весь ее ужас, изо всех сил помогали взрослым, много трудились, очень понимали своих близких и, зная, как трудно им живется, старались их не огорчать.

*Нина Ивановна Бочарова,
жительница села Павловская Слобода*

«Рискуя выдать место, пробиралась в катакомбы»

Идет второе десятилетие XXI века. Коренные изменения произошли в обществе, в жизни людей. А совесть человеческая, долг памяти неизменны. 68 лет наша страна, а значит каждый гражданин, чтит память о людях, защитивших Родину от врага. Для меня это время необыкновенно давнее. Я знаю о Великой Отечественной войне из немногословных рассказов моей бабушки, уроков в школе, некоторых художественных фильмов, телепередач, патриотических митингах и из материалов школьного музея.

Живое слово всегда более трогательно и понятно. Однако рассказывать о пережитом во время войны и в послевоенные годы людям очень тяжело и порой больно. Мама мне рассказывала, что ее дедушка, боевой офицер Красной Армии, прошедший и Финскую, и Великую Отечественную войны, имеющий много наград, а значит много видевший, много переживший, не любил говорить о войне. На ее просьбы – «Деда, расскажи про войну» – он сначала замирал, потом тяжело вздыхал и говорил: «Ох, внученька, страшно это...»

Моя бабушка, Раиса Степановна Федотова, родилась в апреле 1939 года. Военные годы бабушка помнит плохо – маленькая была. Жила она в городе Керчь на черноморско-азовском проливе. Воздух города был пропитан солью, йодом, цветущими или спелыми абрикосами, черешней, акацией. В годы Великой Отечественной войны Керчь стала ареной жестоких сражений. Линия фронта четырежды проходила через город. Уже в ноябре 1941 года Керчь была оккупирована фашистскими войсками. Незадолго до этого приступили к эвакуации женщин и детей, поскольку начались ежедневные налеты немецко-фашистской авиации на город.

Маленькая Раечка вместе со своей мамой Марией Тихоновной Федотовой были в числе эвакуируемых. По морю путь был отрезан, эвакуация должна была пройти через Крымские степи по перешейку вглубь страны. Но эшелон попал под арт-

обстрел. Оборванные, голодные, измученные жаждой люди вернулись в родной город и попали в оккупацию. Рая заболела воспалением легких. Родственники вместе с соседями спрятались в каменоломнях. Питания, лекарств не хватало, но самым тяжелым был недостаток воды.

Марии Тихоновне пришлось оставить дочь семье своего брата, а самой вернуться в город и устроиться на работу к немцам. Она хорошо знала немецкий язык. По ночам, страшно рискуя выдать место, где прятались люди и ее крошечная больная дочка, Мария пробиралась в катакомбы, приносила немного еды, воды, лекарств. И это продолжалось почти три года.

Немцы в городе свирепствовали. Выходить из каменоломни было смертельно опасно. Многие дети, пережившие оккупацию в каменоломнях, впоследствии стали инвалидами. У бабушки пострадал слух. Позже ей сделали три операции, но полностью слух восстановить так и не удалось...

Когда Керчь освободили, многие дети, в их числе и моя бабушка оказались в детском доме. Это тоже были непростые и тяжелые годы – годы восстановления города из руин.

*Раиса Степановна Федотова
в детском доме. 1947 год*

*Марта Матеюнайте,
ученица 9 класса Рождественской СОШ*

«Девочка как будто предчувствовала»

Елена была последним, шестнадцатым ребенком в большой и дружной крестьянской семье. В 1932 году семья Архиповых переехала из деревни в крупный город Нижний Новгород (с 1933 по 1990 год – Горький), в котором тогда зарождалось советское автомобилестроение. Людям, желающим принять участие в стройке века, раздавали земли. Вот так глава семьи Сергей Матвеевич смог купить клочок земли, где была выстроена изба, в которой 6 сентября 1933 года родилась моя мама – Елена Сергеевна Архипова.

Девочке было семь лет, когда из черной тарелки репродуктора прозвучало страшное слово «война». На всю жизнь запомнились последние слова диктора: «Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами!» Все стали плакать, а глава семейства сказал: «Надо копать землянку». И в огороде по всем правилам военного дела наш дед, опытный солдат Сергей Матвеевич, выкопал блиндаж, с бревенчатым накатом, с нишей для свечи. Старшую сестру 15-летнюю Анюту направили на лесозаготовки, где она трудилась все годы войны. Взрослые валили деревья, а подростки обрубали топором сучья. Работники жили в бараках, так что домой мамина сестра приходила только на выходные.

В июле 1941 года пришла повестка на фронт старшему брату, которому два месяца назад только исполнилось 18 лет. Провожать на сборный пункт ходили всей семьей. В памяти остались слова песни «Дан приказ ему на запад». Для маленькой Лены это было страшным горем, девочка как будто пред-

*Егор Сергеевич Архипов.
1939 год*

чувствовала, что Егор уже не вернется. Она обхватила детскими ручонками старшего брата, и их долго не могли разъединить. Тогда военком отозвал отца и разрешил прийти на сборный пункт завтра, но предупредил, что девочку надо оставить дома. На следующий день Лену заперли одну в сарае и снова ушли провожать Егора.

Домой стали приходиться треугольники – письма с фронта (жаль, время их не сохранило). Как-то в огород залетела стая птиц, и бабушка с ужасом сказала: «Не к добру!» Вскоре почтальон принесет в дом страшное известие «Ваш сын, красноармеец Архипов Егор Сергеевич, проявив героизм и мужество, был убит 15 августа 1942 года и похоронен севернее деревни Луково Износского района Смоленской области у опушки леса». Егору было всего девятнадцать. В память о нем на фасаде избы дед прибил красную фанерную звезду. Так делали все, в чей дом не вернулись с войны близкие. На старом фотоснимке Егору шестнадцать: открытое светлое лицо, русые волосы, чистые добрые глаза. А еще остались слова, которые он сказал на прощанье моей маме: «Не скучай, жди меня!»

С начала ноября 1941 года город стали бомбить. Сидя в землянке, маленькая Лена уже могла по гулу различать наши и фашистские самолеты. В тяжелые годы войны многие предприятия города в кратчайшие сроки были переориентированы на выпуск военной продукции – вот их и бомбили фашисты. На места ушедших на фронт мужчин встали женщины и дети (с 10-11 лет). Выполняя задания, люди сутками не выходили из цехов. Лена слышала рассказы очевидцев, как после бомбовых ударов рабочих разбрасывало по цеху, людей иногда снимали с потолочных ламп. Ремонтники, монтажники и строители, работая по 18-19 часов в сутки, быстро восстанавливали завод.

Летом Лена с другими детьми собирала осколки бомб, сдавали лом, по городу ходила специальная машина – стране нужен был металл. В доме жили военные, рядом стояла зенит-

ная артиллерийская часть. Солдаты угощали ребенка американской тушенкой, разводили заграничный яичный порошок. Это было необыкновенное лакомство, когда кругом голодали. Чтобы люди могли прокормиться, раздавали участки. Всю войну мамы сестры копали землю и выращивали картофель, чтобы прокормиться. Моя бабушка, Аксинья Осиповна, стригла баранов и пряла шесть, а мама в свои 7-12 лет вязала солдатам носки, которые потом отправляли на фронт.

*Елена (слева) и Анна Архиповы.
1966 год*

В мае 1945 пришла долгожданная Победа. Люди кричали «Ура!», прыгали, поздравляли друг друга. С войны стали возвращаться солдаты. Запомнились разговоры о Германии: «Там такая чистота, у них в сарае уютнее, чем у нас в квартирах». Война закончилась, карточки отменили, каждый апрель снижали цены на продукты, жизнь постепенно налаживалась.

Семья долго не могла отыскать могилу погибшего в 1942 году Егора. И только год назад выпускница Павловской школы Любовь Коршунова, которая работает в музее Великой Отечественной войны на Поклонной горе, смогла нам помочь. И теперь мы знаем, что на речке Истра Павловского сельского совета (невероятно!) в деревне Бурково Темкинского района Смоленской области в братской могиле в 1954 году были перезахоронены офицеры и солдаты 33 армии Западного фронта и Архипов Егор Сергеевич в их числе.

*Вероника Борисовна Маслова,
руководитель клуба «Апрель»*

«Я никогда не выбрасываю хлеб»

Я родилась 14 марта 1934 года в Гжатском районе (ныне Гагаринский) Смоленской области. Когда началась война, мне было семь лет, в школу я не ходила. Мама умерла, когда мне было четыре года. Отец нас бросил и женился на другой женщине. В 1941 году я была в детском доме в Рязани. Детство мое было голодное и холодное, не дай Бог кому пережить то, что пережили мы. Однажды во время бомбежки двух моих сестер засыпало землей. Их откопали, но младшая Настя так и не оправилась. Она умерла ночью рядом со мной.

Ели гнилую картошку и очистки, побирались по помойкам. Детский дом я помню плохо, помню лишь немцев. Мы ходили к ним на кухню и просили еды, они нас не били и угощали. В первый класс я пошла только в 1944 году. Вспоминать свое детство очень тяжело, перед глазами до сих пор стоит ужас, который пришлось пережить: бомбежки, пожары, трупы людей, постоянный страх, голод. Я никогда не выбрасываю хлеб, потому что знаю ему цену.

В Смоленской области около деревни Горки есть в лесу место, где располагался фашистский концлагерь. Уже после войны там не росли деревья и не пели птицы (как в песне), пахло лекарством, кругом была натянута колючая проволока. Очень страшное место. Мы ходили собирать грибы в этот лес и сразу же, вспоминая все страдания, это место обходили стороной. Жуткое зрелище: выжженная трава, сухие деревья и тишина. Свое детство я вспоминаю неохотно, хотя оно все-таки было. Мы иногда и веселились, и пели песни, а по ночам снова плакали и просили есть.

*Евдокия Федоровна Мишина,
жительница села Павловская Слобода*

«Первые успехи с полей укрепили веру в победу»

Мне было всего два месяца, когда семья в 1929 году переехала в деревню Исаково Истринского района. А детство мое, как и у всех моих сверстников, закончилось в июне 1941 года.

*Анатолий Алексеевич
Рослов*

В один из первых дней войны фашисты сбросили бомбы вблизи родной деревни, жители от бомбежек стали спасаться в близлежащем лесу. В пользу государства у населения отобрали радиоприемники, велосипеды, половину колхозных лошадей. Все взрослые мужчины ушли на фронт, работать стало некому. Кинули клич: все, кто может – старые и малые – идите работать в колхоз.

Наступило голодное время, выменивали вещи на еду, ездили с этой целью вплоть до Волоколамска и Лотошино. Колхозную землю порой приходилось копать даже лопатами. Поскольку земли было не много, обрабатывали все до последнего клочка. Работали под лозунгом: «Все для фронта, все для Победы!» При этом дисциплина была очень суровая: не тащить, не шептать, не разговаривать. Дети научились косить, пахать, запрягать лошадей. И так долгих четыре года.

Повседневная жизнь тружеников тыла складывалась из простых дел: сельскохозяйственные работы в колхозе (продовольствие для фронта), заготовка дров для паровозов. Женщины вязали шерстяные изделия для отправки бойцам на фронт. Когда осенью 1941 года собрали урожай с колхозных полей, появилась надежда, что выживем. Первые успехи с полей укрепили веру в победу.

Хотя в других городах и населенных пунктах было много разрушений, в деревне Исаково дома практически не пострадали. И хотя немецкие самолеты часто «охотились» на воен-

ную базу в Павловской Слободе, бомбы большей частью падали в лобановский пруд. Вероятно, противнику водная поверхность казалась отражением стекол. База же была надежно накрыта зеленой сетью и выглядела безобидным лугом. Недалеко от Исакова тоже была «ложная цель» – гурты с брикетами готового торфа. Издалека они казались скоплением военной техники, немцы бросали на них зажигательные снаряды.

В пятидесятые годы у жителей деревни сложилась традиция участвовать в праздновании Дня Победы: с песнями строем шли в Павловскую Слободу, где с приходом исаковских начинался митинг. В один из таких дней одному из ветеранов пришла в голову мысль поставить погибшим землякам памятник в деревне Исаково. Пять лет ушло на подготовку: обдумывали, получали разрешения, выбрали понравившийся образец. Затем запросили в военкомате список погибших, разработали проект и выбрали наилучшее место для размещения монумента. Строили два года, в основном, своими силами на средства благодарных жителей. Теперь ежегодно жители Исакова в День Победы собираются у своего мемориала и почитают память земляков на их малой родине.

*Анатолий Алексеевич Рослов,
житель деревни Исаково*

*Воспоминания записал
Александр Николаевич Гольцев*

«Вагоны поезда были переполнены людьми...»*

В 1944 году моей бабушке, Нине Ивановне Новиковой, было 6 лет. В это время она жила в деревне Высокое Калужской области. Когда немцы были на подходе к деревне, местные жители решили уйти глубоко в лес, покинув дома и хозяйство. Там разбили большой лагерь, а за едой по ночам возвращались в деревню, когда немцев там не было. По словам бабушки, немцы не проявляли никакой агрессии к ним, не издевались, никого не били, они просто приходили и забирали всю еду. Так некоторое время они жили в лесу, пока деревню полностью не разбомбили, не оставив ни одного дома. Из-за отсутствия еды жителям пришлось оставить лагерь. В течение двух дней они пробирались по лесу, пока не наткнулись на партизанский отряд. Партизаны рассказали о поезде, отправлявшемся в Пруссию.

На этом поезде они отправились в Белоруссию. Вагоны поезда были переполнены людьми, так что нельзя было пошевелиться. И там, в Белоруссии, они пробыли до мая 1945 года, а после победы вернулись в родную деревню. Деревню пришлось строить заново. Поначалу для того, чтобы хоть как-то выжить, строились временные домики размером 3 на 3 метра, в них люди спали на полу. Ни одеял, ни подушек, ни простыней – ничего не было. По словам бабушки, матрасами и подушками служили мешки с сеном, укрываться вместо одеял приходилось верхней одеждой. Колхоз выдавал одну корову на две семьи. Это была существенная помощь со стороны государства. Так как имея в день по 10 литров молока на семью, выжить было гораздо легче. Бабушка, будучи семилетней девочкой, работала на поле рядом с взрослыми людьми. Так продолжилось до 1950 года, пока она не уехала в Москву.

*Дмитрий Правада,
выпускник православной школы «Рождество»*

---

* По материалам журнала «Лексикон». – 2013, №6. С. 37-38.

«Фашист собрался стрелять в меня»

В ноябре 1941 года моя мама родила меня под Волоколамском в землянке, так как наш дом был разрушен от прямого попадания артиллерийского снаряда. В семье было пятеро сыновей, я самый младший. К тому времени старший брат Василий ушел добровольцем на фронт, а отец – в партизанский отряд в леса Подмосковья. Он работал до войны в районном военкомате и организовывал такие отряды. Мама с четырьмя детьми спасалась то в землянке соседа по улице, то пыталась уйти с нами из Волоколамска в сторону Москвы.

Немцы порой издевались над маленькими детьми. Меня однажды вырвали из рук матери и кинули на снег (наст), я покатился почти голый, хотя на улице был мороз около 40 градусов. Фашист собрался стрелять в меня, при этом громко хохоча и крича: «Матка капут». Старший брат Александр схватил ствол автомата и отвел от меня огонь, пули легли рядом. Вдруг где-то неподалеку застрекотал пулемет, и немцы бросились туда. Маму почти в бессознательном состоянии братья увели в землянку. Неоднократно пытались уйти из деревни, так как все знали, кто наш отец, могли донести об этом немцам.

В декабре 1941 года после освобождения Волоколамска, мама меня зарегистрировала, нам дали место в железнодорожной казарме. В апреле 1944 года пришло печальное известие о гибели старшего брата Василия в Западной Украине. Эта новость сильно повлияла на здоровье отца, который пришел из партизанского отряда обмороженный, опухший и больной. В феврале 1945 года отца не стало.

*Михаил Сергеевич
Бардин*

Жизнь наша в период войны была как у всех. Постоянно хотелось есть. Летом ходили в поле собирать колоски, весной – мороженую картошку. Мать на самодельной мельнице (помогли сделать соседи из двух больших камней) растирала зерно, просеивала его через сито и пекла хлеб. Особенно запомнились драники из мороженой картошки. В лесу добывали грибы, орехи и ягоды. Затем стали открываться пункты приема грибов и ягод, мы стали зарабатывать себе на игрушки. Весной рвали сирень и черемуху и продавали их на перроне вокзала пассажирам. Первый заработок на орехах я потратил на покупку ножей и вилок для семьи.

В 1948 году я пошел в школу, где учились в одной комнате сразу по несколько классов, школы были переполнены. По осени местные жители приносили к школе яблоки и сливы по 15-20 копеек, но и таких денег у нас не было, поэтому старушки иногда просто угощали нас. В семье была одна пара резиновых сапог на двоих, поэтому в школу ходили по очереди. Дороги сельские весной и осенью – непролазная грязь, разъезженная тракторами. Учились прилежно, маме не было стыдно за нас.

После занятий успевали поиграть в футбол мячом из связанных тряпок и в лапту, побегать по железнодорожной станции. Однажды, украдкой от мамы, сел на «вертушку» – поезд возящий песок на платформах. Он увез меня далеко от станции, я испугался и, спрятавшись в тамбуре, плакал. Только поздно вечером состав вернулся на станцию, милиционер снял меня с поезда и передал матери. Мама не стала меня наказывать при всех, дома накормила картошкой с растительным маслом и ржаным хлебом, потом резко высказалась, но не отлупила. Только раз я попробовал курить сигареты, мама учуяла и отходила меня жгутом так, что я больше никогда не курил.

Еще ходили по окрестностям искать склады со снарядами и оружием. Их в окрестностях Волоколамска в то время было полно. Термит из снарядов мы использовали для потехи на

танцах, где взрослые ребята с девушками гуляли и танцевали под гармошку. Поджигали порох, кидали в середину – девчата в дыму визжали, а ребята пытались нас поймать, но мы знали пути отхода. Термитные шашки мы добывали из авиационных снарядов: зарывали снаряд в землю и разводили костер, верхняя часть взрывалась, можно было доставать тол и термитную шашку. Однажды во время этой процедуры погиб наш друг: взрыва долго не было, он решил подойти посмотреть. Нас родители сильно наказали и не пускали долгое время гулять. Тол мы использовали для глушения рыбы вдали от населенных пунктов, чтобы никто не слышал.

В 1957 году я устроился работать на железную дорогу путевым рабочим. Это тяжелый труд, но ребята друг друга поддерживали и помогали. После окончания восьмого класса Шаховской средней школы уехал учиться в Нахабино на каменщика в строительном училище. В 1960 году получил диплом с отличием (5 разряд), работал в Истре, параллельно учился в вечерней школе имени Чехова. В 1961 году был направлен в военное училище, которое окончил с отличием. Так я связал свою жизнь с Армией и до 1989 года прошёл от курсанта до подполковника на различных начальствующих и командных должностях. Поменял тринадцать военных гарнизонов от Камчатки до Праги, от Мурманска до Северного Кавказа. Демобилизовался в Истре, получил квартиру в Павловской Слободе.

Воспитал дочь и сына, имею трех внучек и одну правнучку. Раньше ездил на Родину, встречался с друзьями детства, сейчас практически уже никого не осталось из моего поколения. Память об опаленном войной детстве крепка, даже снятся сны тех времен. Время ушло, теперь оно принадлежит молодежи. Пусть их жизнь радуется, а родители гордятся ими.

*Михаил Сергеевич Бардин,
председатель Совета ветеранов
сельского поселения Павло-Слободское*

«Колхозницы сами впрягались в плуг»

Во время войны все работали на победу. Бойцам на фронте нужно было продовольствие, а в колхозах и совхозах практически не осталось мужчин. К сельскохозяйственным работам привлекались дети, начиная с 10-12 лет. Моя мама, Нина Алексеевна Маслакова, 1930 года рождения, с начала и до конца войны прошла эту суровую трудовую школу. Жили они тогда в деревне Тимошкино недалеко от села Павловская Слобода. Никакой техники не было, большинство лошадей забрали на фронт, поэтому колхозницы сами впрягались в плуг вместо животных. К этому непосильному труду добавлялись периодические налеты вражеской авиации. Но улетали самолеты и все выходили в поле, чтобы продолжать пахать, сеять и полоть.

Как только всходили посевы, начинались прополка бесконечно длинных грядок. Нельзя было отставать, надо было выполнить тяжелую норму, несмотря на жару и насекомых. Осенью ребят часто снимали с уроков для уборки урожая, хотя на улице уже подмораживало. Зимой тоже было много работы: перебирали зерно на семена в сырых промерзших помещениях. Надо было смотреть очень внимательно, допустишь брак – могли прозвать вредителем.

Как радовались и дети, и взрослые, когда закончилась война и пришла победа. Казалось, наступит счастливая жизнь, но до нее было еще далеко, хотя с каждым годом жить становилось чуть легче.

*Марина Алексеевна Маслакова,
жительница села Павловская Слобода*

«Дым с пеплом оказывался в доме»*

Валентина Семеновна Пегова

Я училась в педагогическом институте, на выходные приехала домой. И вдруг объявили – война. Когда наш институт эвакуировался, я осталась в Павловской Слободе, где до осени еще было много жителей. После народ стал разъезжаться, базу эвакуировали в Кировскую область, кто-то уходил на фронт. Колхоз стал перегонять свое стадо на восток, я тоже принимала в этом участие. В это время я работала в сельсовете, который возглавлял замечательный человек – Леонтий Михайлович Яковлев. У него всегда были в поле зрения школа, больница, почта и колхоз. Он везде успевал. Помню, когда еще учились в средней школе, он часто привлекал нас к работе в сельсовете, мы с удовольствием помогали ему.

Ближе к осени в селе стали появляться военные. Начали копать окопы, даже у жителей на огородах – готовились к возможной обороне села. Окопы располагались по окраинам села. Возле больницы был большой противотанковый завал из деревьев, установлены противотанковые ежи, которые долго еще после войны напоминали о ней (последний, стоявший у деревянного моста еж пионеры сдали в металлолом в 1960 году). Такая линия обороны шла от больницы до улицы Ленина. Хотя больница была полностью эвакуирована, на ее базе стали готовить госпиталь первой помощи, потому, что стали появляться первые раненые.

У нас в огороде стояла зенитная батарея. Когда топили печь, при каждом выстреле из-за взрывной волны весь дым с пеплом

---

* По материалам газеты «Истринские вести» – 2011, №49. С. 46.

оказывался в доме. В ноябре 1941 года в Павловскую Слободу вошли наши войска в результате отступления фронта. Штаб был организован в последнем доме по улице Ленина. Начал активную работу госпиталь с пришедшим с войсками персоналом. Ранеными заполняли больницу, а умерших хоронили в братской могиле, на месте которой сейчас установлен памятник. С приходом регулярных войск, эвакуацией базы, работы в селе не осталось – работало только почтовое отделение, начальником которого была моя мать. Председатель сельсовета Леонтий Михайлович Яковлев информировал население о происходящем, руководил жителями, готовил к работе во время возможной предстоящей оккупации, в том числе и участию в партизанском движении.

Брат моей подружки, Владимир Уткин, готовился к призыву на фронт, чем мог помогал военным. Он хорошо знал окрестности, всегда показывал, где короче пройти, где чего взять, ездил на лыжах, прокладывал безопасный путь, минуя заминированные участки. Командир зенитной батареи попросил нас показать, где брошенные убывшими в эвакуацию жителями съестные припасы. Мы им показывали, да и сами немного кормились возле военных – ведь ни магазинов с продуктами, ни продуктовых карточек не было. Мясо же приходилось добывать из убитых в боях лошадей, которых военные зимой распиливали пилами.

Недалеко вокруг шли бои, начался обстрел и Павловской Слободы. Сельсовет располагался там, где сейчас стоит мемориал в центре села. Туда пробрались немецкие разведчики, наши бойцы сожгли это здание вместе с фашистами. Было объявлено: «Село оставляем, жителям надо уходить, но это ненадолго, в Москву их не пустим. Сейчас создали новое грозное оружие, надеемся, что их отгоним». Войска отошли в Веледниково, откуда на Павловскую Слободу обрушили свой огонь «Катюши». Немцы дальше не продвинулись. Из-за продолжавшихся обстрелов Павловской Слободы стало очевидно и мирному населению – надо уходить из села. Решили через На-

хабино пробиться в Москву, шли пешком посередине дороги (обочины были заминированы). В Нахабине успели на последний поезд в Москву, а оттуда отправились в Киржач, куда ранее перегнали колхозное стадо коров. Там и застала нас весть, что немцев остановили. Вскоре пришла телеграмма от мамы: «Возвращайся домой, немцев отогнали от Слободы».

Войска в селе располагались еще долгое время. Меня в 1942 году пригласили работать в сельскую школу, ее начали восстанавливать, а учителей не было, все в эвакуации. Стала учительствовать, а после уроков помогали местным жителям: рубили дрова, копали огороды пожилым учителям, выращивали картофель, помогали семьям фронтовиков. Из доступных продуктов был только хлеб, так как открылась хлебопекарня (сейчас на ее месте минимаркет). Когда база вернулась из эвакуации, начали выдавать рабочим продовольственные карточки, получали их и учителя. Выдавали по карточкам 400 граммов соли и столько же сахара в квартал. Основное питание – со своего огорода. Затем начал работать колхозный молокозавод (возле пруда на месте дома №14 по улице 1 мая), который снесли в начале 1970-х годов.

С тех пор село не узнать, мало что осталось от старой Слободы, но и через много лет не забываются тревожные годы юности.

*Валентина Семеновна Пегова,
жительница села Павловская Слобода*

Из детских воспоминаний

Нас много родом из глубинки,
И всех роднит одна судьба:
Год сорок первый, те картинки –
Запала в душу нам война.

Мы страха много натерпелись,
Но в горе выстоять смогли.
На равных с мамами трудились,
Им очень в жизни помогли.

Из-за войны они терпели
В тылу тот непосильный труд,
А поздним вечером летели,
Чтоб на детей своих взглянуть.

Чтоб обогреть и приголубить,
И накормить, чем Бог послал.
И у коптилки перескажут,
Что папа с фронта им прислал.

А в Новый год нарядят елку,
И винегрет мы помним тот...
И белой кофту – не с иголки,
Что мама наспех простирнет.

Анна Павленко

«Первый и последний раз видел новорожденную дочь»

Лидия Ивановна Крайникова родилась 2 октября 1941 года в деревне Красновидово Истринского района. Со слов своей мамы, она вспоминала, как отец, будучи рядом, с разрешения своего командира сумел на короткое время заглянуть домой. Тогда он первый и последний раз видел новорожденную дочь, так как с фронта уже не вернулся. Мама Лидии – Мария Ивановна Крылова – рассказывала ей о тяжелом военном времени.

В ноябре 1941 года, узнав, что фашисты уже находятся в соседней деревне Борки, жители покинули свои дома, не желая находиться под гнетом захватчиков. Вошли немецкие солдаты в пустое село и подожгли его. Лишь один житель преклонного возраста, не ушедший со всеми, остался в своем доме и во время пожара находился в подвале. Ему удалось выбраться и потушить свой дом.

Семью Марии Ивановны с грудным ребенком на руках приютила родственница в Красногорске, жили очень тесно, все в одной комнате. Мария Ивановна устроилась работать на трикотажную фабрику. Находясь на работе, ей приходилось обматывать пеленки вокруг своего тела, что их скорее высушить своим теплом.

После освобождения родной деревни семья Крыловых вернулась в Красновидово. Постепенно начали налаживать разоренное хозяйство и строить новый дом на месте пепелища.

Мария Ивановна Крылова прожила долгую жизнь – более 90 лет. До последнего дня за ней ухаживала ее дочь Лидия Ивановна Крайникова.

*Даниил Демидов,
ученик 9 класса Рождественской СОШ*

«Поймаем Гитлера и повесим его на дереве»

*Будущий священник
Сергей Иванович Беляев
с супругой Софьей Васильевной,
урожденной Сперанской*

Я родилась 21 октября 1928 года. Мой отец, Сергей Иванович Беляев, 1888 года рождения, уроженец села Пески Можайского уезда Московской губернии, вырос в семье псаломщика. Свое детство я помню с тех пор, как переехали в Рождествено, когда в 1932 году отец был назначен настоятелем храма Рождества Христова. Жили мы в церковной сторожке. В центре участка стояла красивая церковь с высокой колокольней. Весь участок был обнесен высокой оградой из красного кирпича с мощной чугунной решеткой.

Наступили страшные времена. Церкви закрывались, священников арестовывали и ссылали. Родители очень волновались, прислушивались по ночам к каждому звуку, а часто и вовсе не спали. Пришел и наш черед. Я очень хорошо помню ту страшную ноябрьскую ночь 1937 года. Раздался страшный стук в дверь. Я проснулась и очень испугалась. В комнату вошли три человека, один из которых был в военной форме, а двое – в штатском. Они ходили по комнате, заглядывали во все углы, что-то искали. Потом отец оделся, попрощался с нами, и они все ушли.

Для нас настали очень трудные времена. Мать нигде не принимали на работу, так как отца по решению суда считали вра-

---

* По материалам книги С. Мамаева «Село Рождествено. История в очерках». – М., 2011. С. 262-273.

гом народа. Мы просто остались без средств к существованию. Через некоторое время маме, наконец, удалось устроиться посудомойщицей. Какое-то время мы еще прожили в нашей сторожке, потом нас с матерью взяла к себе Полина Плотицкая, которая жила в Снегирях.

Началась Великая Отечественная война. Был прекрасный солнечный день, мы с ребятами гуляли на улице. В 12 часов по радио было передано сообщение Молотова. Взрослые сразу зарыдали, а мы, дети, бегали и кричали, что поймаем Гитлера и повесим его на дереве. Фашисты быстро продвигались к Москве, каждую ночь над нами в небе появлялись вражеские бомбардировщики, летавшие бомбить Москву. Ночи мы проводили в бомбоубежище, которое вырыли сами. В конце октября занятия в школе прекратились, фронт приблизился к Снегирям. Мимо нас проходили раненые бойцы, которые рассказывали о фашистских зверствах и советовали немедленно эвакуироваться.

Наконец, мать решила уехать. Взяла простой мешок, в уголки положила камешки, связала веревкой, получился рюкзак. Положила в него несколько икон, смену белья, документы, еще какие-то вещи и мы отправились в дорогу к маминой сестре в Люберцы. Уезжали с последним поездом. Поезд был переполнен, мы еле-еле забрались в тамбур. Народ висел на подножках, даже все крыши вагонов были заполнены людьми. Только поезд тронулся, сразу же попал под обстрел с воздуха. Было очень страшно, но мы благополучно добрались до Москвы. На одну ночь мы с матерью остановились у моей старшей сестры Лизы, так как Москва была закрытым городом, без специальных документов находиться было нельзя. А на другой день добрались до поселка Котельники. Там я продолжила учебу в 5 классе.

В апреле 1942 года мы вернулись к тете Поле в Снегири. Было очень голодно, ходили по полям и из-под снега выкапывали мороженую картошку, свеклу, морковь, капусту, так как овощи осенью убрать не успели. Благодаря этим овощам нам

удалось выжить. Затем появилась зелень: лебеда, крапива, щавель. В мае вскопали огород, посадили картошку. Сажали под плуг, вместо лошади – я, мать и сестра тети Полины Надя запрягались, а тетя Полина вставала за плуг и сажала картошку.

К концу лета тетю Полину направили на трудовой фронт и назначили бригадиром. Она и меня взяла с собой на работу ради двух котелков баланды и куска хлеба. Работали мы в Манихине в песчаном карьере. Как только приходил пустой состав, нас сразу же вызывали на работу, простоя не должно было быть. Нужно было обычной штыковой лопатой нагружать в вагон песок. Норма была такая: одна платформа или один вагон на человека, а для меня – половина платформы, вторую половину за меня догружали все понемногу. Вот я сейчас удивляюсь, как у меня, 14-летней девочки, хватало сил на это? Одета я была в армейскую телогрейку, на голове платок. Все было велико, но, главное, тепло.

В октябре начались занятия. Наша школа была разрушена во время оккупации, поэтому под школу выделили в заводском клубе три комнаты, коридор, небольшую учительскую и туалет. Путь в учителя для матери был закрыт, ей пришлось устроиться уборщицей. Меня устроили второй уборщицей, чтобы получать рабочие карточки. Надо было ежедневно подмести все помещения, зимой истопить три печки, раз в неделю вымыть все полы. Поздней осенью уже по снегу школьники вместе с учителями заготавливали для школы дрова. Зимой мама ежедневно уходила в пять часов утра, чтобы растопить печки, но тепла от них все равно было мало. Многие окна в помещениях были забиты фанерой, на уроках зимой приходилось сидеть в пальто.

Мать работала, я работала и училась. Но в феврале 1943 года мать простудилась и заболела двухсторонним воспалением легких. Врачи уже не надеялись на ее выздоровление. Тогда телеграммой вызвали сестру Лизу из Москвы, которая достала камфору для уколов. Вот эти уколы и спасли мать. А я тем временем одна продолжала убирать школьные помеще-

*Зинаида Сергеевна Беляева.
Рождественно. 2005 год*

общила, что эта учительница немецкого языка приходила получать хлеб по второй карточке. Директор школы узнала об этом, сообщила в РОНО, учительницу уволили.

Так я закончила 7 класс в 1944 году, и мы переехали в Москву к моей сестре Лизе. Вначале у ее мужа была бронь, потом ее сняли и его отправили на фронт. Лиза осталась беременная и 26 июля родила сына Володю, которого отец не видел два года. Лиза добилась разрешения прописать мать и меня, так как она была жена фронтовика с грудным ребенком на руках. Днем мать занималась с Володей, а Лиза работала, а ночью наоборот. Я тоже хотела пойти работать, но Лиза разрешила мне учиться. Ни ей, ни старшему брату Евгению выучиться не удалось, так она говорила, что хоть я смогу получить образование и специальность. В 1947 году я закончила педагогическое училище и приступила к работе в школе. Проработала в начальной школе почти 40 лет. Была награждена значком «Отличник просвещения».

*Зинаида Сергеевна Беляева,
дочь священника отца Сергия Беляева*

«Бутерброды с винтовочным маслом»

Родилась я в селе Павловская Слобода сразу после войны, в 1946 году. Окончила школу, затем получила медицинское образование. В настоящее время живу в Туле. В мою детскую память врезались рассказы моей мамы, Веры Федоровны Митрюхиной (в девичестве Садовниковой), о военном времени, которые до сих пор будоражат душу и мне, и моей сестре Елене Александровне (в замужестве Комоловой).

Нашей маме в 1941 году было всего 17 лет. Жизнь только начиналась: хотелось петь, танцевать, любить. День начала войны запомнился ей на всю жизнь: солнечный, теплый, летний день. Ее мама и наша бабушка, Елена Васильевна (уроженка деревни Веледниково), пришла с продуктами из магазина. Из радиоприемника слышали о начале войны – наступила оглушительная пугающая тишина. Оказалось, все страшные звуки были впереди.

Работала моя мама и все ее подружки-одноклассницы на военной базе №38 в Павловской Слободе – собирали винтовки для фронта. Работали круглые сутки с небольшими перерывами на сон. Постоянно хотелось есть и спать. Остатки масла, которым обрабатывали оружие, иногда намазывали тоненьким слоем на хлеб, и эти бутерброды с винтовочным маслом им тогда казались очень вкусными. А еще на полях собирали лебеду, варили ее и ели. Они знали все съедобные травы.

Вера Садовникова с родителями

Когда фашисты приблизились к Павловской Слободе, базу вместе с работниками эвакуировали в город Вахруши Кировской области. Жить пришлось в чужой семье, теснились, но их приняли как родных: горе было одно на всех. Через год завод вернулся в родное село, люди продолжали работать на фронт. После войны мама устроилась работать в Тушино на чулочную фабрику. Война наложила отпечаток на мамино здоровье, всю оставшуюся жизнь она тяжело работала, несмотря на тающие силы, воспитала двух дочерей, дождалась двух внуков.

*Галина Сараева,
Уроженка села Павловская Слобода*

«Вставай! Война кончилась!»

Моя бабушка, Надежда Ивановна Марначева (в девичестве Лебедева), родилась 8 апреля 1925 года в Башкирии в городе Давлеканово. Отец ее – уроженец Самарской губернии, дворянин и офицер, физик, директор школы, а мать – москвичка, выпускница института благородных девиц, учитель математики. Волей судьбы и революционных катаклизмов оба родителя были занесены в Давлеканово, познакомились и поженились.

*Надежда Ивановна
Марначева*

В семье было трое ребятишек, моя бабушка была самой младшей. Трудности начались еще до начала войны, когда в 1939 году от сердечного приступа умер отец. Несмотря на это, бабушка вспоминала: «Мы не ощущали тяжести, потому как люди помогали друг другу. Общество только оправилось от революций и голода, в магазинах появились продукты».

22 июня 1941 года – лето, каникулы! «После обеда, – рассказывала Надежда Ивановна, – мы собрались поиграть в саду в настольную игру. Тогда не было телевизоров, не в каждом доме было радио. Кто-то прибежал и закричал «Война!» И для нас это было слишком неожиданно, не доходило до осознания. Я помню ощущение страха и ужаса.

Девочки-девятиклассницы оканчивали курсы связистов и добровольно уходили на войну. Мой брат поступил в военное училище и сразу после выпуска тоже ушел на фронт». Бабушка по окончании школы послала документы для поступления в Московский Финансовый институт. Из-за военного положения в Москву можно было попасть только по специальному вызову-пропуску. Получив его, 18-летняя Надежда уехала в Москву учиться на экономиста международных банковских расчетов.

На тот момент бомбежек в Москве уже не было, еду получали по карточкам, ждали новостей с фронта. Вернулся с фронта родной брат, потеряв ногу. Надежда жила в общежитии, которое организовали в бывшей банковской конторе за ГУМом. Из окон общежития было видно Кремль, поэтому юная студентка стала очевидцем событий, которые происходили на главной площади страны в ночь, когда было объявлено об окончании войны. Они вернулись в общежитие из театра поздно, легли спать. В три ночи бабушку разбудили подруги с криками: «Вставай! Война кончилась!» Девчонки прыгали по кроватям, кто-то закричал: «Побежали на Красную площадь!» Несмотря на раннее утро, вся площадь уже была полна народу. Люди радовались, обнимались, целовались. Людей в военной форме подбрасывали в воздух, творилось нечто невообразимое: «Это сложно описать словами. До сих пор помню, в груди сохранилось это чувство счастья, что война кончилась».

Сейчас у каждого есть телефон, интернет, доступ к любой информации. Живя в этом изобилии, начинаешь забывать, что, оказывается, так было не всегда. Воспоминания уходят вместе с людьми. Однажды мне на глаза попалась фотография с подписью: «Празднование Победы на Красной площади в Москве, СССР, 9 мая 1945 года. Фейерверки, зенитный огонь и прожекторы освещают небо». Скорей всего в этой толпе стояла моя молодая бабушка-студентка. От этого фотография приобретает для меня особый смысл.

*День Победы на Красной площади.
9 мая 1945 года*

*Елена Сергеевна Казанцева,
дочь народного художника РФ,
жителя деревни Борзые Сергея Казанцева*

«Над местным населением не издевались»

Я родилась 19 февраля 1941 года в деревне Подгорское Куркинского района Тульской области в простой деревенской семье. Мне было 4 месяца, когда началась война, папу забрали на фронт. Конечно, маме было тяжело с двумя малолетними детьми (брат 1933 года рождения), но помогали жившие рядом родители папы. При бомбежках, по рассказам моей бабушки, мы прятались в подвале. Потом в деревню пришли немцы, но над местным населением не издевались, хотя в соседнем селении фашисты сжигали дома и забирали молодежь в Германию.

Папа мой прошел войну от начала до конца: был в Австрии, в Венгрии, дошел до Берлина. Побывал он и в плену, но, слава Богу, вернулся домой живой и невредимый. Несмотря на то, что я была маленькая, момент возвращения папы помню. Через год он уехал в Сталиногорск (ныне Новомосковск) на строительство электростанции. Я пошла в школу. Помню, на Новый год детям давали подарки и какую-то маленькую булочку. А что можно было ждать, если мы ели блины из мороженой картошки. Да такие вкусные они были!

Два класса я закончила в деревне, а в третьем училась, когда переехали к папе. Жили в бараке в одной комнате, которая была сразу и кухней. Работа у папы вскоре закончилась, и мы уехали в другой город на строительство следующей электростанции. Так мы переезжали с места на место, я окончила школу, техникум, вышла замуж, а в 1969 году приехали в Павловскую Слободу.

*Валентина Матвеевна Левичева,
жительница села Павловская Слобода*

«Незачем бояться неба»*

Спустя много лет Лидия Михайловна Бушуева до сих пор видит тот вечер в конце 1930-х годов как наяву – люди в черном, машина, крики братьев и стон матери. Через некоторое время пришло извещение, что отец расстрелян как враг народа. Надо было как-то привыкать жить без папиной опоры и любви: 14-летняя Лида, хрупкая девчушка, идет работать на Тушинский машиностроительный завод.

Началась война, завод эвакуировали, а вчерашних школьников отправили в деревню Лужки копать противотанковые рвы. Немец бомбил и обстреливал постоянно. «Земля содрогалась, воздух звенел и был от снарядов, – вспоминала Лидия Михайловна, – мы залегли ни живые, ни мертвые. А сверху еще и листовки летят. Как сейчас помню их текст: «Милые бабоньки, ройте себе ямку». Потом, когда немцев прогнали, долго не могла привыкнуть к мысли, что незачем бояться неба».

Потом девушку направили в Павловскую Слободу, на базу №38. С 1941 по 1945 год занималась Лида ремонтом вооружения, которое поступало с полей сражений. Работала токарем на деревообрабатывающем станке, делала ствольные накладки для винтовок. Рядом трудились такие же молоденькие девушки, сутками не выходили они из цеха. Лидия Михайловна в редкие часы отдыха шила одеяла, за что получала небольшие деньги – на пропитание себе и родным. В 1947 году встретила наша землячка любимого человека, который прошел войну. Вместе с Николаем Георгиевичем они живут уже более 60 лет. Супруг – фронтовик, активный общественник, работает заместителем председателя местного Совета ветеранов.

*Нина Егоровна Гусева,
заместитель председателя
Истринского районного Совета ветеранов*

---

* По материалам книги «Ветеранский полк» Т. 2. – М., 2006. С. 167-168.

«Брикеты каши и щи с лебедой»

Я родилась в 1930 году в селе Калдево Рязанской области, ближе к Владимиру – край болот, озер и комаров. Через три года семья переехала в небольшой городок Спас-Клепики. Началась война, мне тогда было всего 11 лет. Местность была почти прифронтовая, нас заставляли копать землянки в огороде, порой приходилось в них и ночевать. Над городом часто пролетали самолеты на Тулу, наводя ужас и страх. Линия фронта от нас проходила не очень далеко, через городок проходили наши войска к Туле. К счастью, из-за отсутствия производств, город совсем не бомбили.

Ольга Ильинична Колесникова

Во время войны нас, школьников, все время возили на сельскохозяйственные работы в колхоз, то сажать картошку, то выкапывать. Один год на полях выращивали необычное растение коксагыз, из которого руками школьников потом извлекали латекс для изготовления резины. Еще делали много торфобрикетов, практически вручную. Торф добывали из близлежащих болот. Как и все тогда, голодали, мама работала в местной больнице, иногда приносила крупы сахара, в те минуты жизнь становилась чуть слаще. Спасала корова – возили молоко и творог в Рязань, там продавали на рынке. А стипендия в институте была маленькая, на нее не проживешь. Вспоминаются продукты питания тех лет: конфеты-подушечки, брикеты каши и щи с лебедой.

В 1948 году закончила 10 классов средней школы, поступила в Рязанский учительский двухгодичный институт. Начинала учительствовать в сельской школе, в селе Лопатино, а

в ноябре 1956 года переехала с мужем в Павловскую Слободу. Преподавала физику в школе. Классы были по 40 человек – страницы в журнале не хватало на список учеников. Была профориентация в старших классах, приучались к труду дети на ранних стадиях. Работали с удовольствием. У поколения детей войны отношение к труду особое. В такое тяжелое время жили, а вспоминаю с удовольствием – как отдыхали, бегали в парк и в клуб на танцы.

В школе была и председателем месткома, и секретарем партийной организации, и завучем, и, наконец, директором. В 1950-х годах вместе со мной в школе работали Михаил Львович Калиниченко, Николай Трифонович Григорьев (замечательный учитель математики), Зоя Ивановна, Петр Сергеевич Тюрин, Татьяна Лещинская. В 1959 году развалилась старая двухэтажная школа: первый этаж кирпичный, второй деревянный – типичный дореволюционный купеческий дом. Были каникулы, никто не пострадал. В 1962 году при директоре Николае Федоровиче Андриенко построили новую двухэтажную школу, в которой дети учились до 2004 года.

*Ольга Ильинична Колесникова,
жительница села Павловская Слобода*

*Воспоминания записал
Александр Николаевич Гольцев*

«Немцы были в нашем доме»

Беда пришла в страну, в каждую семью. Пришла она и в семью моих прабабушек, бабушек и дедушек. Мои прадед по материнской линии Петр Иванович Лепешкин и его жена Анна (урожденная Сизова) были родом из села Рождествено. Их предки тоже жили на этой земле, обустраивали, обихаживали ее. Семья Лепешкиных была большая – шесть дочерей и сын. По рассказам моей бабушки Прасковьи Петровны Дудыкиной (урожденной Лепешкиной), до коллективизации жили неплохо, на пропитание добывали своим трудом. Имели большую усадьбу, лошадей, коров, другую живность. Потом почти все передали в колхоз, стало, конечно, труднее. По праздникам ходили в церковь, пекли пироги. Родители работали в колхозе, позже там же (уже в совхозе) трудилась и моя бабушка Прасковья Петровна Дудыкина и ее сестра Вера Петровна Голесова.

Здесь же, в селе Рождествено, настигла их война, а в декабре 1941 года – оккупация. Бабушка и мама Нина Александровна Шилова (урожденная Дудыкина) вспоминали, что немцы были в нашем доме, вели себя надменно, правда, один из них дал маме (тогда ей было десять лет) конфету. Потом этот «добрый» фашист взял из дома ватного деда мороза, привязал к коляске своего мотоцикла и благополучно увез. Может и сейчас этот трофей находится в той немецкой семье.

Перед отступлением почти всех жителей Рождествена захватчики собрали вместе и пешком в лютый мороз под конвоем повели в церковь села Дарна. Шли с трудом, сидевших на санках маленьких детей фашисты толкали ногами в снег, поднимать не позволяли. Пробыли они в этой церкви несколько дней, пока их не освободили наши войска. Мама с бабушкой и прабабушкой сильно застудились. Домой возвращались тем же путем в лютый мороз, пришли к «уголькам» – немцы сожгли больше половины домов в Рождествене. Не вынес этого прадед Петр Иванович и вскоре умер.

После возвращения в сожженное родное село народ начал восстанавливать жилье и хозяйство. Дед еще не вернулся с фронта, бабушка же, маленькая и хрупкая женщина, опять работала в совхозе, а мама помогала. Снова обихаживали, обу-

*Нина Александровна Шилова.
1951 год*

страивали, пухли от голода, но построили жилье, которое и по сей день служит нам, их детям. Училась моя мама в Рождественской школе, поступила в первый класс на год раньше положенного возраста, училась она хорошо. Закончила семилетку, предлагали ей учиться и дальше, но она не могла себе этого позволить, надо было помогать семье. Ей приписали в паспорте годы и приняли на Тушинскую чулочную фабрику.

Работала в три смены, всегда была ударником труда. Автобусы до станции Снегири тогда еще не ходили, приходилось добираться в любую погоду пешком. На фабрике нельзя было присесть ни на минуту: огромные станки, только успевай их обслуживать.

Мама отработала более 45 лет, получила звание «Ветеран труда». Великая труженица, она легкой работы не искала, памятуя о невыносимой жизни во время и после войны и не хотела, чтобы мы, ее дети, Марина и Маргарита Шиловы, в чем-либо нуждались.

*Марина Николаевна Шилова,
Преподаватель Рождественской СОШ*

«Детский страх помнится мне до сих пор»*

Страх войны не покидает меня всю жизнь, поэтому я, став взрослой, стараюсь видеть в жизни светлые моменты, и, несмотря ни на что, более охотно о них пишу, хотя военная тематика в моем творчестве занимает довольно большое место. А куда от нее деться? Ведь ничего же не забывается. Родилась я в Курской области (ныне это место в составе Белгородской). Когда началась война, мне было чуть более пяти лет. Папу призывали на фронт, провожали мы его всей семьей: я, сестренка, мама с сынишкой на руках, которому было всего 18 дней.

Вскоре мы оказались в оккупации. Вот тогда и обострились наши страхи и беды. В нашем доме поселились фашисты, а нас вытеснили жить на кухню. По всему селу молодые девушки прятались, где только могли, одевались в рваные одежды, мазали лица сажей, чтобы казаться некрасивее и старше. Каждый вечер немцы пили шнапс, веселились и горланили песни. Иногда приходили на кухню уже навеселе и начинали пугать маму пистолетом: «Матка, пух-пух!» Однажды пьяный фашист все-таки выстрелил в нее, но пуля маму не задела, а насквозь пробила стену из кухни в комнату. Иногда вечерами фашисты заводили мотоцикл и гоняли по двору нашу корову-кормилицу. Они смеялись, а мы потихоньку наблюдали в окно и все время плакали. Часто немцы нам повторяли: «Будем уходить, ваш дом сожжем!»

*Анна Григорьевна
Павленко*

Питались оккупанты у нас дома, еду им приносили из полевой кухни. Мы с сестрой терпели голод, а маленький брат плакал, несмотря на все наши уговоры и протесты, рвался к

---

* По материалам газеты «Истра Плюс» – 2012, №30. С. 5.

двери просить кушать, за что однажды и поплатился. Зимой его раздетого фашисты просто выкинули на улицу и не давали нам некоторое время забрать брата, но потом все же сжалились. Окоченевшего мальчика мы отогрели и выходили. Некоторые рассказывают, что иногда немцы угощали детей, у нас же ничего подобного за все годы оккупации не было. Враги были бесчеловечными и жестокими.

Позже в селе расположился фашистский госпиталь. В нашем дворе стояла огромная деревянная фура с медикаментами. Каждый раз убитых фашистов приносили в наш сарай, укрывали плащ-палаткой и держали до захоронения. Мама боялась ходить мимо них за дровами и просила, чтобы я шла вместе с ней. А я, жалея ее, подчинялась.

Детский страх помнится мне до сих пор. От оккупации остались в памяти лишь два положительных момента. Однажды очень молодой немец сфотографировал моего плачущего брата и отослал фотографию жене. Он немного говорил по-русски, и рассказал нам потом, что его фру написала в письме: «Иван плачет, Иван хорош!» А второй случай, когда мама ошпарила себе ногу кипятком, немецкий врач дал ей хорошую мазь от ожога, и нога быстро зажила.

Село наше много раз переходило из рук в руки, только летом 1943 года нас окончательно освободили. Этот год для нашей семьи оказался самым трудным. Простудилась и умерла моя бабушка, некому и нечем было ее лечить. А следом умер и наш красавец Ванечка, заболев дифтерией. Мама с тетей понесли его в медпункт, что находился примерно в трех километрах, но на мосту они были остановлены нашими солдатами, которые приказали им немедленно возвращаться, так как начиналось наступление. Брат метался от мамы к тете, так и умер у них на руках.

Но война продолжалась еще два долгих года. Порой над селом пролетали немецкие самолеты, сбрасывая бомбы. Одна из них упала в наш огород, образовав огромную воронку. Были и другие случаи. Как-то раз мама ушла в лес за дровами, вдруг

появился немецкий самолет и начал строчить из пулемета. Мы вбежали в сени, сели у двери и только слышали, как пули пробивают крышу и падают рядом с нами, в тазик. Мама в это время лежала в лесу, пули тоже падали вокруг нее, но не задели. Когда стрельба прекратилась, она без дров прибежала домой. Лежала там, а сама думала: «Как мои дети? Живы ли?»

После изгнания немцев возобновились работы в колхозе, мама стала работать учетчиком. Уходила – темно, и приходила – темно. На нас, детях, был и дом, и все хозяйство, корову я доила с семи лет. Ночами боялись уже своих, так как участились грабежи. Вовремя пойти в школу я не смогла, так как совершенно нечего было надеть. Позже пошила мне портниха пальто из немецкой плащ-палатки, в котором я просто замерзала. Школа у нас была за несколько километров. Тетрадей никаких не было, писали, как и все тогда, на газетах. Мечтой моего детства было иметь цветной карандаш. И еще очень хотелось иметь белый материал, чтобы пошить куклу, пусть не всю беленькую, а хотя бы личико. Кушать хотелось всегда, из-за голода долго не могли уснуть, да и рано просыпались, ожидая, когда сварят картошку. Хлеба не было всю войну. Из сладкого была только сахарная свекла.

День Победы я встречала в школе, помню как все кричали «Ура!» Папа, слава Богу, остался жив. Всю войну он был сапером, ходил на волосок от смерти. Однажды при наступлении был ранен, пуля стесала половину брови. Но домой он приехал только в конце 1946 года. Его после войны оставили служить в Германии, откуда он присылал нам денежные переводы и посылки. А потом он увез нас в Германию. Только тогда мы наелись и попробовали продукты, которых в деревне никогда не было. Нас поражала чистота и немецкая аккуратность во всем. С жителями установились хорошие отношения, многие немцы осуждали Гитлера.

*Анна Григорьевна Павленко,
истринская поэтесса*

«Ребятки все время ждут тебя»

Я родилась в Павловской Слободе в 1945 году. Моя мать, Людмила Моисеевна Петрова (Глазкова), также уроженка этого села, с 1941 по 1943 год с матерью и двумя детьми находилась в эвакуации в Куйбышевской области, где работала счетоводом в одном из колхозов. В это время мой отец, Виктор Семенович Петров, воевал, в составе войск II Белорусского фронта дошел до Берлина. В годы войны был удостоен ордена Красной Звезды, ордена Отечественной войны I степени и ордена Красного Знамени. А в мирное послевоенное время его наградили золотой звездой Героя социалистического труда и орденом Ленина.

Ольга Волкова с родителями

В семейном архиве сохранилась переписка родителей в годы войны. Все их письма друг другу были пропитаны любовью и заботой друг о друге. В письме из Москвы на фронт от 20 мая 1945 года мама писала уже и обо мне, называя меня Леличкой: «Здравствуй, дорогой мой Витюшенька! Когда же, наконец, мы дождемся тебя? Ты соскучился о нас, а мы еще больше о тебе скучаем, ребятки все время ждут тебя. Второй год пошел, как ты уехал от нас, и не увидишь как Леличка вырастет, она и так уже большая стала. Алик кончил учебу, перешел в 3 класс, но как еще не знаю, так как табеля им еще не завели. Посылку от 21 марта я получила. Большое тебе спасибо, нам ведь сейчас каждая вещь дорога».

*Ольга Викторовна Волкова,
жительница села Павловская Слобода*

«Во дворе дома стояли зенитные установки»

Я родился в 1942 году в Павловской Слободе. Жили без отца, в семье было пятеро детей. Дом стоял напротив нынешнего мемориала погибшим воинам в центре села. Сейчас на месте нашего бывшего дома центральная площадь села. Из детства вспоминаются отдельные фрагменты, некоторые из рассказов очевидцев. Во время войны Благовещенскую церковь в Павловской Слободе маскировали, накрывая брезентом, чтобы она не служила ориентиром при авиационных налетах на военную базу, которая являлась важной целью фашистов. У нас во дворе дома стояли зенитные установки, из которых стреляли по немецким самолетам. Через речку, напротив новой школы, левее геодезической вышки располагалось подразделение реактивных минометов «Катюши», наводившее ужас на фашистов.

Мама тогда работала в кочегарке на военной базе в Павловской Слободе, и я там лазил с малых лет, спал в деревянных ящиках. Нашел лаз в подземный ход, который вел из полковой церкви на базе (не сохранилась) в сельскую церковь. Обе церкви, конечно же, к тому времени были уже закрыты. Мы там лазали с ребятами, находили иконы. Потом вход в этот лаз со стороны базы заварили.

В нашей семье огорода практически не было, поэтому основной заботой детей были заготовки на зиму. Ходили на поля (возле нынешнего предприятия «Велком») собирать остатки после сбора урожая – капустные листья, картошку, свеклу. Собирали грибы, ягоды, засаливали в бочки, тем и спасались. За грибами и ягодами ходили по дороге на Звенигород (ее еще по

*Владимир Иванович
Кутенов*

старинке называли «Царская дорога»), она служила нам ориентиром, чтобы не заблудиться.

В семь лет пошел в школу, затем в техническое училище в Тушино, одновременно работал на заводе. Затем служил в армии, а сейчас занимаюсь общественной работой в ветеранской организации сельского поселения Павло-Слободское.

*Владимир Иванович Кутепов,
житель села Павловская Слобода*

*Воспоминания записал
Александр Николаевич Гольцев*

«Чудом удалось спастись»

Надежда Ивановна Терентьева родилась 14 марта 1928 года в Вяземском районе Смоленской области. Во время оккупации родной деревни Надежде было всего 13 лет, хотя выглядела она на все двадцать. Пришедшие фашисты активно искали в деревне партизанский отряд, многих местных жителей, в том числе и Надежду, собирались расстрелять, но ей чудом удалось спастись. В доме, где жила семья Надежды Ивановны поселились немцы, которые порой даже делились съестными припасами с хозяевами.

После войны Надежда Ивановна трудилась на восстановлении железных дорог, и однажды повредила руки, которые впоследствии с трудом удалось вылечить (хотя врачи даже предлагали ампутировать). При лечении пошло осложнение на глаза и Надежда Ивановна стала медленно слепнуть. Позже женщина переехала жить в поселок Снегири, где устроилась на работу на местный кирпичный завод, на котором и проработала до выхода на пенсию. В мае 2013 года Надежда Ивановна умерла.

*Оксана Валерьевна Герман,
педагог-организатор Рождественской СОШ*

* * *

Мои соседи – дядя Леша, дядя Сеня –
Простые люди непростой судьбы.
Они застигли тягостное время,
Фашисты были близко – час ходьбы.

Они сражались и дожили до победы.
Сражались в небе и на матушке-земле,
Послевоенные расхлебывали беды –
Казалось, было все не так в стране.

Страна страдала, возрождая села,
И города не в силах прокормить.
А тут война холодная, и снова
Сражаться надо, чтобы просто жить.

Сражаться у станка, слезясь от стружки,
Следя за плугом в глинистой земле,
Вонзая в космос искрометные игрушки,
И строить много и тебе, и мне.

Давно в земле их бранные останки.
Соседи не являются во сне.
Поверьте мне, поверьте без обманки,
Чем старше мы, тем ближе к той войне...

*Николай Дельнов,
житель деревни Исаково*

«Был дан приказ взорвать военную базу»

Когда началась война, мы жили в Москве в Измайлове на седьмой Парковой улице. Недалеко располагался военный аэродром, который постоянно бомбили. Почти каждую ночь над аэродромом стояло зарево от взрывов. С 1943 года семья переехала к дедушке, Константину Тарасовичу Салангину, так как тяжело заболела Елизавета Александровна (в девичестве Глазкова) – бабушка, коренная жительница Павловской Слободы. Дедушка в это время был комендантом Павловской ар-

Валентина Викторовна Салангина

тиллерийской базы. Он был кадровым военным – подполковником административной службы, из 62 лет жизни 40 лет служил в армии. В первую мировую войну за боевые заслуги был удостоен почетных наград царской армии, Георгиевских крестов II, III и IV степени, медалей «За храбрость» III и IV степени и французской медали «Почетный легион».

Дом дедушки находился на Октябрьской улице напротив военной базы. Рядом с домом была почта и сельсовет. В доме был телефон, в то время большая редкость. Он часто звонил, бывало, днем и ночью дедушку срочно вызывали по делам службы. Местные жители деда уважали, у него было много знакомых и друзей в окрестных деревнях. В ту пору обстановка в Павловской Слободе была другой, было много детей, которые свободное время проводили на улице среди своих сверстников. Часто ходили друг к другу. Если у кого появлялось что-нибудь вкусное, делились друг с другом. Родители подкармливали и своих, и соседских ребятшек. Мы очень любили маму Люси Беляевой, жившей на улице Урицкого и

маму Нелли Пикаловой, тетю Женю, она всегда нас встречала с радостью, обязательно чем-нибудь угощала.

В то время дети занимались и хозяйственными делами. Мне не было и десяти лет, а на моем попечении была коза «Зорька». Я отводила ее на пастбище, в полдень ходила доить, вечером приводила домой. Мне поручали ходить за продуктами и за дедушкиным пайком, который ему давали на базе в виде обеда. Однажды, когда я несла судки с обедом, споткнулась и пролила суп. Он вылился в ямку на дороге. Я перепугалась, стала собирать его ладонями и выливать в судок – дома ничего не заметили.

Дед умер через год после окончания войны. Похоронен он был с воинскими почестями, проститься с ним пришло очень много сельчан. За свою безупречную службу в рядах Красной Армии дедушка был награжден высшими наградами советского государства. Особенно отличился дедушка, когда тяжелые бои шли вокруг Павловской Слободы. Командованием был дан приказ взорвать военную базу. Когда все было заминировано, команда подрывников во главе с дедушкой на дрезине выехала в район бывшей железнодорожной станции Павловская Слобода. Для выполнения приказа все было готово, оставалось только нажать исполнительный механизм. Дедушка понимал, что взрывом будет уничтожена не только артиллерийская база, мост, но и часть жилых домов в Павловской Слободе. Поэтому он принял решение, что взорвет базу, если немцы окажутся внутри. Это было очень ответственным, но, как оказалось, совершенно правильным решением.

*Валентина Викторовна Салангина,
жительница села Павловская Слобода*

«А моего Ванечки – нет...»*

Мужа забрали на фронт. Я, беременная четвертым ребенком, осталась ждать его дома. Старшая дочь Наденька во всем мне помогала, следила за мальчиками. Толя и Сережа тогда еще не осознавали всего происходящего, их жизнь никак не изменилась. А вот Наденька как будто все понимала, по ночам все чаще забиралась ко мне на кровать, ложилась под бочок и говорила так тихонько, ласково, как будто пыталась успокоить: «Не расстраивайся, мамочка, не плачь, с нами ничего не случится...» И я тогда верила этому маленькому прижавшемуся клубочку. В начале сентября 1941 года пришла похоронка. Мужа убили. Я была в полной растерянности: «Что же теперь с нами будет? Как жить дальше?»

*Клавдия Николаевна Базарова
с мужем и детьми*

Летом 1942 года родился Коленька. Еще одно солнышко появилось в доме. Смотрела в его ясные глазки и на минуту забывалась. Казалось, что и нет войны... Сестру мою Машу отправили в Москву рыть окопы. Каждый месяц от нее приходили письма и гостинцы моим сорванцам. Спустя несколько месяцев, осенью 1942 года, в деревню нашу пришли немцы.

* По материалам журнала «Лексикон». – 2013, №6. С. 38.

Особо не разбойничали, только скот весь угнали. А корова наша сбежать хотела, да только когда через забор прыгала, напоролась на него и умерла. Немцы забрали ее и съели. Правда, что удивительно, мясом с нами поделились. Наденька долго ее забыть не могла, все плакала. Потом стало еще тяжелее. Ели очистки от картошки. Хорошо хоть Коленьке было легче, кормила его грудным молоком, которого, слава Богу, было много. Зимой 1945 года немцы из деревни ушли. Им у нас делать нечего. Да, к тому же, еды совсем не осталось.

Весной того же года Маша вернулась из Москвы, говорила – все, скоро победим. Это очень обрадовало!

После Победы солдаты начали возвращаться с фронта, обнимались, целовались с матерями, женами. Кончились мучения, прошел страх. А моего Ванечки – нет...

Клавдия Николаевна Базарова

*Воспоминания прабабушки записала
Анастасия Воробей,
выпускница православной школы «Рождество»*

«Своим телом приходилось согревать детей»

Мне было всего три месяца, когда началась война. Мы должны были поехать к бабушке в деревню Крапивное Ново-зыбского района Брянской области, куда ранее родители отвезли моих старших братьев: 9-летнего Володю и 4-летнего Шурика. Но 22 июня 1941 года все в нашей жизни изменилось. Отец, Борис Иванович Новыш, практически сразу ушел добровольцем на фронт, а мама, Анна Петровна, осталась со мной в селе Рождествено, так как пассажиров на Брянск уже не пускали. Самые ужасные девять дней маме пришлось пережить в начале декабря 1941 года, во время оккупации села. Мама потом рассказывала, как носила меня вместе с документами в верблюжьем одеяле, сохранившемся до сих пор.

«Как только фашисты вступили в село, – вспоминала Анна Петровна, – подожгли дом старика Майорова, а самого его убили, сняв с него валенки. Еще одного старика Семерикова и красноармейцев, которые укрывались в его доме, вывели и расстреляли. В подвал, в котором я сидела, а нас там было человек 30 с детьми, ворвались немцы и с ними русский предатель, который стал говорить, что Красная армия разбита, а немцы завтра захватят Москву, и все заживут хорошо.

Фашисты врывались в окопы, грабили, требовали сала, яиц и масла. Позже нас из подвала выгнали на жуткий мороз с детьми, не дав нам ничего взять с собой. Кто-то подсказал, что можно укрыться в окопе. Он оказался пустой, но стены его были покрыты толстой кромкой льда. Так всю ночь мы стояли друг возле друга. Когда матери на другой день попытались пройти к подвалу и захватить что-нибудь, хотя бы пеленки, немец прогнал их, наставив винтовку. Нашему мытарству и мучению, казалось, не будет конца. Своим телом приходилось согревать детей».

После ухода немцев маму назначили директором Рождественской школы. Она при содействии директора дома отдыха «Снегири» Николая Романовича Елкина смогла к 1 сентября

1942 года привести школу в надлежащий вид. Тогда же был отремонтирован и деревянный школьный дом на улице Пионерской, который отдали под квартиры учителей. В 1943 году с ранением вернулся в Рождествено мой отец и вскоре привез из Брянской области старших братьев, которые почти три года находились вместе с бабушкой в оккупации.

Но хотя война и ушла из села Рождествено, следы ее еще долго оставались. Однажды в мае 1943 года прямо перед учительским домом мой 7-летний брат Александр с друзьями Владимиром и Николаем Троскиными и Борисом Тарасовым подорвались на фашистской мине. Пока на телеге везли ребят в Дедовскую больницу, брат и двое друзей скончались, а Николай выжил, но на всю жизнь остался инвалидом – ему ниже колен оторвало обе ноги.

Война прошла через каждую семью, и в каждой оставила неизгладимый след.

*Зоя Борисовна Васильева,
жительница села Рождествено*

*Анна Петровна Новыш (в центре) с учениками
Рождественской школы. 1946 год.*

«Возьми Зою, умрет ведь...»

Я родилась в 1937 году в деревне Зеленково, в семье нас было три дочери и два сына, а когда началась война, мама была беременна. Старшего брата, 1922 года рождения, взяли в армию за год до начала войны. Мама рассказывала: «День был жаркий, пришли с работы и по радио объявили, что Германия

*Нина Егоровна
Генерозова*

напала на Советский Союз». Папа тогда работал в пожарной охране в Москве, у него была там служебная маленькая комната, куда он и забрал детей. А я с мамой и только-только рожденной сестрой остались в деревне. Боялись немецких налетов, поэтому мама решила уйти в свою родную деревню Юрьево, где жила ее тетка. Пошли туда через Пороховую гору, возле мостика через речку Беянка начался налет немецкой авиации. Спрятались под деревянный мостик, а на дворе – ноябрь, уже на воде льдинки. Кончился

налет, и тут в руку попал осколок от снаряда. Рука была в кармане у мамы, мне раздробило и обожгло палец. Мама в отчаянии хотела оставить малышку, но я просила: «Возьми Зою, умрет ведь...»

Когда пришла в Юрьево, деревня уже была в оккупации – пришлось почти все время сидеть в окопе. Молока у мамы не было, а грудного младенца надо было кормить. Немцы доили корову и разрешали соседке немного надоить молока, которое она и приносила малышке. Так и выживали. Примерно через неделю Юрьево освободили, а мы ушли в деревню Новинки, где у нас жили родственники. Там немцев не было, а в доме племянника мамы располагалась медсанчасть, где мне и зашили раздробленный палец. Вернулись в Зеленково, в нашем

доме окна выбиты при бомбежке, в погребе и в доме все разорено и растащено. Стали потихоньку восстанавливаться. Был страшный голод: собирали мороженую картошку, жмых для скота, который падал при перевозке. Свеклу сушили и ели вместо сахара, питались подножным кормом. Потом стало немного лучше, завели козу.

В Зеленкове училась в начальной школе, потом в Рождестве и 10 класс окончила в Павловской средней школе. Ходили в Павловскую Слободу по лавам через Истру, а когда весной их сносило половодьем, шли в обход. Весь ужас, который мы испытывали, идя рано утром или поздно вечером, могут понять только жители отдаленных деревень.

После окончания учебного года работала в колхозе, а еще помимо этого был и свой огород, скотина. Почти не отдыхали. Зимой заготавливали и возили из леса дрова, чтобы топить печь. Мама выполняла любые работы, мужчин не хватало. Помню, как женщины вставали в ряд и копали огромные поля лопатами.

Были, конечно, и праздники, но редко. Например, по завершении жатвы или сева собирались с гармошкой, накрывали поляну (в прямом смысле), пели и плясали. Окончила среднюю школу, начала работать. Закончилось мое военное и послевоенное детство, не успев начаться.

*Нина Егоровна Генерозова,
жительница села Павловская Слобода*

*Воспоминания записал
Александр Николаевич Гольцев*

«Трудилась и днем, и ночью»

Моя прабабушка, Анастасия Алексеевна (в замужестве Ефремова), родилась 2 апреля 1923 года в деревне Падиково недалеко от Павловской Слободы. В июне 1941 года ей было 18 лет. Три ее старших брата ушли на фронт, один из них пропал без вести. Во время оккупации дом Ефремовых в Падикове сгорел, и они переехали в Павловскую Слободу.

В свои 18 лет Настя трудилась днем и ночью сменами по 10-12 часов на военной базе. Разгружали вагоны с пришедшим с фронта разбитым оружием, ремонтировали его, а затем отправляли обратно.

*Виктор Сергеевич и
Анастасия Алексеевна Ефремовы*

На этой же военной базе Анастасия Алексеевна познакомилась со своим будущим мужем, моим прадедушкой Виктором Сергеевичем Ефремовым. Он родился 23 февраля 1927 года в селе Спасское Тульской области в большой семье. Несложно подсчитать, в начале Великой Отечественной войны ему было 14 лет. В 1944 году он поступил в артиллерийское училище, но был отчислен, и в 17-летнем возрасте ушел на фронт, воевал минометчиком, а после войны судьба привела его в Павловскую Слободу. Прадедушка прожил долгую жизнь, умер 30 октября 2006 года, а прабабушка день в день ровно шесть лет спустя.

Другой мой прадедушка, Николай Прокофьевич Сидоров, родился 15 сентября 1924 года в деревне Высокое Монастырщенского района Смоленской области. Окончил четыре класса школы. По имеющимся данным, 10 апреля 1942 года 17-летний Николай был вывезен фашистами в Германию, где до мая 1945

года его использовали на принудительных работах. После возвращения на родину отслужил в армии и с молодой женой Александрой Акимовной завербовался на крайний север.

Прабабушка Александра Акимовна Сидорова, урожденная Коноплева, родилась 28 августа 1928 года в будущем городе Дедовск, который тогда назывался рабочий поселок Гучково. Осенью 1941 года, когда фашисты рвались к Москве, 14-летней Александре приходилось вместе с другими сверстницами рыть окопы в окрестностях Дедовска, в частности, у Аносина и Снегирей. В 1950 году с мужем уехали работать сначала на север, затем в Крым, а в 1972 году вернулись в родные места, в Павловскую Слободу. Александра Акимовна умерла в октябре 1995 года, а Николай Прокофьевич в декабре 1997 года.

*Сергей Новиков,
ученик 9 класса Павловской СОШ*

*Николай Прокофьевич
Сидоров*

*Александра Акимовна
Сидорова*

«В своем погребе мы прожили до весны»*

Когда началась война, мне было 14 лет. Наша семья Ароновых жила в Рождествене в доме на самом краю села у берега реки Истры. Осенью 1941 года у нас часто останавливались военные. В конце ноября были бойцы из рабочего батальона, мы как могли их поддерживали. Отец угощал их табаком, который выращивал у себя в огороде. Один из бойцов, немолодой уже, запомнилось мне, был из Брянска. Они сказали, когда уезжали: «Отец, обязательно заедем, если живы будем». Но не заехали.

Немцы в селе появились 2 декабря 1941 года. Это было очень страшно. Из дома нас сразу же выгнали, пришлось уйти в окоп-погреб, который нам в саду сделали те самые бойцы. Этот погреб после войны еще долго был памятью о том страшном времени.

В доме у нас были куры, гуси и пчелы – отец работал колхозным пчеловодом. Мама плохо слышала, папа сам занимался хозяйством. Фашисты заставляли отца убивать и ощипывать нашу птицу. Часть зерна папа успел спрятать в пустых ульях, но захватчики нашли его и стали прямо из ульев кормить зерном лошадей. Часть ульев с медом мы спрятали в подполе на зимовку, люк подпола закрыли огромной бочкой с капустой, но и этот тайник фашистам удалось обнаружить. Однажды, когда нас в очередной раз выгоняли из окопа, солдаты увидели моего братишку, который учился в железнодорожном техникуме, и приняли его за партизана. Но отец его защитил, сказал, что он его сын – немцы отстали.

Затем начался обстрел, было очень страшно, и мы побежали по оврагу. Вокруг загорались дома. Под некоторыми из них немцы устроили пулеметные гнезда, из которых стреляли по наступающим красноармейцам. Достаточно скоро мы пробрались к дому моей тети, где в стене глубокого оврага было вы-

---

* По материалам книги «Ветеранский полк» Т. 2. – М., 2006. С. 194-195.

копано бомбоубежище. Внутри топилась печка, сидели деревенские жители. В карманах нашли немного сухарей, которые и спасли нас от голода в тот день.

На рассвете заметили, как со стороны дома отдыха через этот овраг по мостику с перильцами шли друг за другом солдаты в белых маскхалатах. Они сказали нам: «Идите домой, топите печки, больше мы их к Москве не допустим!» Наш дом сгорел (а всего в селе сгорели 60 домов), в своем погребе мы прожили до весны. Затем стали убирать и хоронить погибших на полях солдат, начали лопатами копать землю под пашню, пробовали пахать вручную. Летом 1942 года построили новый дом из досок и бревен, между ними набили глину, поставили русскую печку.

Два последних военных года я работала на авиационном заводе в Тушине. Проработав долгие годы, была отмечена медалью «За доблестный труд» и получила звание «Ветеран труда».

*Лидия Рябченко,
жительница села Рождествено*

«Память сохранила больше хорошего»

Я родилась в 1944 году в Павловской Слободе. Дошкольное детство вспоминается не очень отчетливо, лишь отдельные моменты. Воспитывала меня бабушка Зина, детских садов не было. Папа пропадал на работе (работал на военной базе №38), мама всегда в школе (была учительницей начальных классов) или с горой ученических тетрадей. Иногда к ней приходили школьники делать стенгазету. Бывало, мама брала меня вместе со школьниками на елку в Кремль или в театр. Елку в доме ежегодно устраивали обязательно, наряжали незатейливыми картонными игрушками, с нетерпением ждали под елкой корзинки с нехитрыми подарками, например, мандаринами. Новый год у меня ассоциировался с ряжеными. Несмотря на трудные времена, любили наряжаться. Ряженые смотрели у кого праздник, и обязательно приходили в гости. Мы их ждали и всегда гадали: «А кто спрятался под этим вывернутым наизнанку тулупом?»

Татьяна Сладкова с подругами

*Татьяна Алексеевна
Сладкова*

Особенно яркие впечатления остались от летнего пионерского лагеря. Он был устроен по инициативе Московского политотдела и располагался на Пороховой горе сначала в виде палаточного городка, затем в стационарных зданиях. В конце каждой смены устраивали большой концерт и обязательный пионерский костер. Это было событием не только для воспитанников лагеря, но и для жителей Павловской Слободы, которые приходили на праздник.

Таким мне запомнилось послевоенное детство. Времена были трудные, по рассказам родителей, но избирательно память сохранила больше хорошего, чем плохого.

*Татьяна Алексеевна Сладкова,
жительница села Павловская Слобода*

*Воспоминания записал
Александр Николаевич Гольцев*

«Стояла в очереди за долгожданным куском хлеба»

Когда началась война, мне еще не исполнилось и три года. Жили мы с мамой, Марией Иосифовной Павловой, в одной из комнат разрушенной церкви в Павловской Слободе. В комнате было холодно, цементный пол «обжигал» ноги. Чтобы я не слезала со своей кроватки на ледяной пол, маме приходилось привязывать меня к ее спинке. Когда мама на целых 12-15 часов уходила работать на военную базу, где давали вторую жизнь искалеченной в боях военной технике, я оставалась дома одна и часто плакала. Приходила мама домой всего на несколько часов. Со мной занималась, да еще и себя в порядок надо было успеть привести: платье единственное постирать. Часто оно и не высыхало к новому трудовому дню, в сыром шла на работу.

Тяжело было, я всегда была голодная. Мама отдавала мне свой кусок хлеба и говорила: «Я на работе поела». Я верила. Это потом уже поняла: она спасала меня от голодной смерти. От такой «диеты» мамочка стала пухнуть. «Что-то ты поправляешься», – говорили ее подруги. И только наш сельский врач Алексей Леонтьевич, увидев маму, понял, что ее надо спасать. Доктор добился, чтобы маме давали лишних 100 граммов хлеба в день. Помню как я, 5-летняя девочка, всю ночь зимой стояла в очереди за долгожданным куском хлеба, пока мама работала в ночную смену. Еще всплывает в памяти, как мы, ребятки, бежали за машиной, на которой везли жмых (корм для скота). Иногда из кузова падал кусок этого корма, мы подбирали его и ели. Страшно все это вспоминать. Дай Бог, чтобы нашим детям и внукам никогда не пришлось пережить то, что испытали мы – дети войны.

*Светлана Владимировна Смирнова,
жительница села Павловская Слобода*

«Украсть у фашиста винтовку и пойти в партизаны»

*Виктор Андреевич
Драгунов*

Эту историю многократно рассказывали мне моя мама и тетя, я же отчетливо помню только финал – как нас всех стегали. Дело было зимой с 1941 на 1942 год. Фашисты рвались вглубь страны. Началась эвакуация, все, кто мог, уезжали. Моей матери, Александре Ивановне Драгуновой, работнице отдела технического контроля шахты №1 «Лютарическая» Донского района Тульской области, на оккупированной немцами территории партией было поручено затопить шахту в случае приближения немцев, чтобы

стратегически важный продукт – уголь – не достался врагу.

Затем мать вместе со мной, двухлетним сыном, уехала в деревню Смородино к жене брата, которая имела пять детей, а я оказался шестым ребенком в большой семье. В их доме на постое жил немецкий солдат. Старшему из детей было всего шесть лет, видимо, именно ему в голову и пришла «гениальная» мысль – украсть у фашиста винтовку и пойти в партизаны. Конспираторы из нас, как выяснилось, были никакие, наша затея стала известна немцу. Он проявил благородство, поскольку нас не тронул, а сообщил хозяйке дома: «Прими меры к своим сорванцам». Тетя, долго не думая, загнала нас на печку, взяла в руки вожжи, и со словами «На кого Бог пошлет», отстегала нас, досталось всем. На этом наш поход в партизаны закончился.

*Виктор Андреевич Драгунов,
волонтер, житель города Истра*

«Приказ немецкого офицера»

В воскресный день 22 июня 1941 года многие дети по всей стране играли на улице вместе со своими сверстниками. Впереди было больше двух месяцев летних каникул, и, казалось, ничто не омрачит их безоблачное детство. Однако именно в этот день многие из них впервые услышали слово «война».

*Валентина Игнатъевна
Бусурина. 1950 год*

Среди миллионов детей, чье детство закончилось в июне 1941 года, была и моя бабушка, 9-летняя Валя Бусурина, жившая тогда с родителями в поселке Снегири.

Валентина Игнатъевна Бусурина родилась в 1931 году в деревне Жуково Оленинского района Калининской области. В 1934 году семья переехала в Подмосковье и обосновалась в поселке Снегири. Отец Валентины устроился работать на кирпичный завод, от которого получили комнату в деревянном одноэтажном бараке на улице Ленина. В 1938 году Валентина пошла в 1 класс в семи-

летнюю школу в соседней деревне Ленино. Именно эту школу во время оккупации фашисты превратили в свой опорный пункт обороны, а с 1967 года в бывшем школьном здании разместился военно-исторический музей.

В июле 1941 года глава семейства Игнат Антонович Бусурин был призван по мобилизации Истринским военкоматом и направлен на фронт. В Снегирях осталась жена Марфа Тихоновна и две дочери – Валентина и двухгодовалая Тамара. К счастью, семья осталась цела – Игнат Антонович вернулся с

войны с медалью «За оборону Кавказа», а семья без потерь пережила оккупацию и голод. В годы войны Валентине пришлось стать основной кормилицей семьи. Она соглашалась на любую сложную работу, которая позволяла принести домой хоть немного продуктов. В частности, неоднократно приходилось вместе с другими детьми ходить на колхозные поля и собирать гнилой и померзший картофель, который не успели собрать осенью 1941 года.

Каждый человек хранит в памяти какой-то момент своей жизни, который кажется ему вторым рождением, переломом во всей дальнейшей судьбе. С этими воспоминаниями всегда связаны открытия в самом себе и других людях. Был такой случай и в жизни моей бабушки. Однажды во время фашистской оккупации в их комнате в бараке отдыхали немцы, там же варили себе суп. Валя, воспользовавшись моментом, решила им навредить и высыпала в кастрюлю чашку с солью. Вычислить виновную фашистам не составило труда. Ее поставили к печке и, несмотря на слезы матери, собирались расстрелять. Но вдруг за девочку заступился немецкий офицер, который отдал приказ убрать оружие и показал Марфе Тихоновне свою семейную фотографию, на которой были изображены он с женой и две дочери. Так приказ немецкого офицера спас Валу от неминуемой гибели.

Вместе с известием о победе в 1945 году Валентина Игнатьевна окончила школу и устроилась работать на авиационный завод в Тушине. Затем вышла замуж за моего деда Александра Васильевича Мамаева, и у них родились три сына. Бабушке не удалось прожить долгую жизнь, в марте 1992 года, когда мне было всего 5 лет, она умерла от болезни в возрасте 60 лет. Воспоминания о детстве Валентины Игнатьевны сохранила ее родная сестра – Тамара Игнатьевна Полякова.

*Сергей Юрьевич Мамаев,
руководитель музея «Усадьба Рождествено»*

«Я до сих пор вижу ствол пистолета»

Определение «Дети войны» появилось сравнительно недавно, по крайней мере, до девяностых годов прошлого столетия оно почти не употреблялось. Они (кому посчастливилось) пережили военное лихолетье и, подрастая, сходу включились в восстановление разрушенного хозяйства. Должен признаться, что и я принадлежу к этому сообществу: три года вражеской оккупации, голод, разруха – все это пришлось пережить лично. Затем 22 года осваивал новые земли в Казахстане, стал кандидатом наук, профессором, академиком. Я родился в селе Слободзея на Днестре, а волею судьбы, несколько лет прожил в районе Павловской Слободы и был принят общественностью поселения в разряд «своих», стал «слободским». Очень горжусь этим и поддерживаю постоянную связь с местным творческим активом.

В последние десятилетия стало часто употребляться подзабытое уже выражение «оккупация». Оккупант – это тот, для кого люди, живущие там, куда он пришел с оружием, не существуют, как люди. Их жизни для него ничего не стоят. Расскажу о случае, произошедшем со мной в период именно такой оккупации. В конце 1943 года, когда после ряда жестоких сражений под Курском, Белгородом и Харьковом вектор войны повернулся в обратном направлении, и немецкие войска стали все «увереннее» откатываться назад, одно их подразделение разместилось в Слободзее. К нам привели трех постояльцев-немцев. Мы тогда жили вчетвером: бабушка, два подростка (мои дяди) и я. «Гости» оперативно заняли обе большие комнаты, нам же «предоставили» право жить на кухне. На ломаном русско-украинском языке объяснили, что вход в их комнаты запрещен, обращаться к ним тоже нельзя, если что им будет нужно – они сами скажут. Они прожили у нас несколько месяцев. Постепенно, с их же слов, мы узнали, кто они и что собой представляют. Обычные тыловики, в небольших чинах, унтер-офицеры.

Самый старший заведовал полевой пекарней, звали его Людвиг. По внешнему виду он был типичным немцем, образ которого популярен в наших фильмах о войне: высокий, худой, рыжий и в очках. Средним по возрасту был некто Карл, заправлявший какими-то складами. Самый молодой из них — Пауль, в его функции входила охрана объектов, которыми заведовали старшие товарищи. Эти немцы уже давно поняли, что война Германией проиграна, и дни их пребывания на нашей земле сочтены. Предчувствие краха и неопределенность будущего, возможно, и опыт российской жизни за годы оккупации, заставляли их искать способ забыться. Пили они ежедневно. Приносили домашнее вино, обязательно кипятили его, добавляли сахар и пили. Горячее вино с сахаром через два-три часа превращало их поистине в животных. Для нас это было пыткой. Напиваясь, они начинали стрелять. Стреляли в мух и пауков в углах комнаты, развешивали за рукава на два гвоздя рубашки и с криками «Рус партизан!» стреляли вшей.

Не знаю почему, но старший из немцев, тот самый Людвиг, был равнодушен ко мне. Причем не с положительной стороны, а с издевательски-садистской. Он на меня кричал, обзывал всякими немецкими и русско-украинскими нехорошими

*Василий Гурковский среди учеников 4 класса
Слободзейской школы. 1951 год*

словами, часто просто так шлепал, а главное, очень часто пугал. Он был для меня вроде черта без грима. За пару месяцев до прихода наших случилось следующее. По ночам и в выходные дни у нас во дворе стоял фургон для перевозки хлеба. Как-то раз, в субботу, я вышел во двор погулять. Машина стояла во дворе, часового днем не было, кто-то из деревенских ребят разбил обе фары. Цоколь от одной лампочки валялся рядом. Я, не видевший, сколько себя помнил, ни одной игрушки, естественно, подобрал этот желтый блестящий цоколь с проводками и, вернувшись в дом, стал играть с ним на печке.

Василий Андреевич Гурковский

Людвиг первым увидел разбитые фары и вбежал в дом. Бабушка была где-то во дворе. Пьяный после охоты немец, увидев, что я играю с разбитой лампочкой, что-то страшно заорал по-немецки и сделал то, что делают истинные оккупанты, — выхватил пистолет и выстрелил в меня трижды. Я до сих пор вижу ствол пистолета, изрыгающий смерть. Немец, конечно, достал бы меня, забившегося в угол между трубой от плиты и вытяжной широкой трубой от печки. Но ему было лень подниматься по ступенькам на печь, и он просто стрелял, с каждым выстрелом забирая правее. Спасла меня вбежавшая бабушка. Не зная, в чем дело, увидела одно — немец в меня стреляет. Она обхватила его за ноги, начала кричать. Он ее свирепо отталкивал.

Вбежавший Пауль выбил пистолет и вытолкнул Людвига с кухни. Более трех месяцев меня водили потом по разным бабкам, восстанавливая речь и слух. И что мне было из того, что немец перестал меня пугать, пытаюсь задобрить поджаристыми, посыпанными сахаром булочками из своей пекарни? Что мне из того, что он оправдывал свою стрельбу тем, что по-

думал, будто я разбил те фары? Он стал для меня настоящим врагом, изломавшим всю мою жизнь. До сих пор при сильном волнении у меня пересыхает в горле и перехватывает речь.

В заключение скажу, что судьба жестоко, но справедливо рассчиталась с вражескими постояльцами. Перед приходом наших войск, уже в апреле, всю ночь продолжалась артиллерийская канонада. Через наши головы шел обстрел позиций немцев на правой стороне Днестра. В окошке на печке, где мы лежали, прижавшись с испуга друг к другу, непрерывно сверкали отблески летящих ракет от «Катюш» и снарядов. Утром наших постояльцев не оказалось — исчезли. Через пару дней после канонады, когда все стихло, к нам зашел один из бывших постояльцев, молодой Пауль и рассказал, как они втроем хотели переправиться на ту сторону Днестра. Ехали на мотоцикле — Людвиг за рулем, Карл в коляске, а Пауль — на заднем сидении. Выскочивший из засады советский танк, как утюгом, накрыл мотоцикл. Пауль спрыгнул с сиденья и убежал, а те двое, включая моего «пугала» — не успели. Значит — не судьба или, наоборот, судьба. По жизни — все можно простить, но память никогда никому и ничего не прощает.

*Василий Андреевич Гурковский,
член Союза писателей России*

Георгиевская ленточка

За окнами весенний лес летит,
Я еду в ленинградской электричке.
Напротив меня девочка сидит
С георгиевской ленточкой в косичке.

Сегодня эту ленточку носить
На сумке можно, можно – в виде брошки,
Но я прекрасно помню и без лент,
Как бабка не выбрасывала крошки.

Как много лишнего мы слышим в дни побед,
Но только этой патоке с елеем
Не очень верят те, кто в десять лет
Питался, в основном, столярным клеем.

А время умножает все на «ноль»,
Меняет поколенья поколением,
И вот войны подлеченная боль
Приходит лишь весенним обострением.

Над этой болью многие кружат,
Как воронье, как чайки... И так рады,
Как будто свой кусок урвать хотят
Бетонной героической блокады.

Я еду в поезде, смотрю на все подряд:
В окно, на девочку с прекрасными глазами,
А за окном солдатики лежат
И прорастают новыми лесами...

Игорь Растеряев

СОДЕРЖАНИЕ

А мы не стали памяти перечить... <i>Р. Рождественский</i>	3
Имеет ли прошлое запах? <i>О. Н. Маркусь</i>	4
«Слободчане были настроены решительно» <i>Б. Д. Лукьянов</i>	6
«Я старался, тянулся за старшими» <i>В. Н. Окулов</i>	8
«Вернуться домой уже не смогли» <i>Е. Нечушкина</i>	12
«Меня в двухмесячном возрасте отдали в ясли» <i>Л. Д. Фомина</i>	13
«Лучше хлеба дай!» <i>Е. Елатомцева</i>	14
«Сажать весной оказалось нечего» <i>В. В. Паршина</i>	16
«Убить человека для них не составляло труда» <i>А. И. Кузнецова</i>	17
«Оказала помощь в задержании фашистской разведки» <i>А. Золотарев</i>	20
«А моя бабушка молилась...» <i>А. Семерикова</i>	22

Игрушки	23
<i>С. Мамаев</i>	
«Добежать мы не успели»	24
<i>Н. И. Бочарова</i>	
«Рискуя выдать место, пробиралась в катакомбы»	26
<i>М. Матеюнайте</i>	
«Девочка как будто предчувствовала»	28
<i>В. Б. Маслова</i>	
«Перед глазами до сих пор стоит ужас»	31
<i>Е. Ф. Мишина</i>	
«Первые успехи с полей укрепили веру»	32
<i>А. А. Рослов</i>	
«Вагоны поезда были переполнены людьми...»	34
<i>Д. Правда</i>	
«Фашист собрался стрелять в меня»	35
<i>М. С. Бардин</i>	
«Колхозницы сами впрягались в плуг»	38
<i>М. А. Маслакова</i>	
«Дым с пеплом оказывался в доме»	39
<i>В. С. Пегова</i>	
Из детских воспоминаний	42
<i>А. Павленко</i>	
«С грудным ребенком на руках»	43
<i>Д. Демидов</i>	

«Поймаем Гитлера и повесим его на дереве» . . .	44
<i>З. С. Беляева</i>	
«Бутерброды с винтовочным маслом» . . .	48
<i>Г. Сараева</i>	
«Вставай! Война кончилась!»	50
<i>Е. С. Казанцева</i>	
«Над местным населением не издевались» . . .	52
<i>В. М. Левичева</i>	
«Незачем бояться неба»	53
<i>Н. Е. Гусева</i>	
«Брикеты каши и щи с лебедой»	54
<i>О. И. Колесникова</i>	
«Немцы были в нашем доме»	56
<i>М. Н. Шилова</i>	
«Детский страх помнится мне до сих пор» . . .	58
<i>А. Г. Павленко</i>	
«Ребятки все время ждут тебя»	61
<i>О. В. Волкова</i>	
«Во дворе дома стояли зенитные установки» . . .	62
<i>В. И. Кутепов</i>	
«Чудом удалось спастись»	64
<i>О. В. Герман</i>	
Мои соседи – дядя Леша, дядя Сеня... . . .	65
<i>Н. Дельнов</i>	

«Был дан приказ взорвать военную базу»	66
<i>В. В. Салангина</i>	
«А моего Ванечки – нет...»	68
<i>К. Н. Базарова</i>	
«Своим телом приходилось согревать детей»	70
<i>З. Б. Васильева</i>	
«Возьми Зою, умрет ведь...»	72
<i>Н. Е. Генерозова</i>	
«Трудилась и днем, и ночью»	74
<i>С. Новиков</i>	
«В своем погребке мы прожили до весны»	76
<i>Л. Г. Рябченко</i>	
«Память сохранила больше хорошего»	78
<i>Т. А. Сладкова</i>	
«Стояла в очереди за долгожданным куском хлеба»	80
<i>С. В. Смирнова</i>	
«Наша затея стала известна немцу»	81
<i>В. А. Драгунов</i>	
«Приказ немецкого офицера»	82
<i>С. Ю. Мамаев</i>	
«Я до сих пор вижу ствол пистолета»	84
<i>В. А. Гурковский</i>	
Георгиевская ленточка	88
<i>И. Растеряев</i>	

